

Митрополит
Иларион (Алфеев)

Иисус Христос

БИОГРАФИЯ

Иларион (Алфеев)

Иисус Христос. Биография

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66146796
Иисус Христос. Биография: Познание; Москва; 2021
ISBN 978-5-6044875-5-6

Аннотация

Книга, предлагаемая вниманию читателей, необычна. Она посвящена не просто одному из великих героев древности, но Человеку, Которого в течение вот уже двух тысяч лет почитают воплотившимся Богом. В истории человечества нет и не было никого, кто оказал бы столь глубокое, всеобъемлющее и оплодотворяющее влияние на развитие человеческой культуры, ибо именно Иисус Христос на долгие века задал вектор культурного развития нескольких континентов.

Но, признавая Иисуса Богом, можно ли издавать книгу о Нем и для светских читателей? Да, объясняет нам автор книги, ибо Церковь всегда заявляла твердо и однозначно: Он является полноценным Богом, но одновременно является и полноценным человеком, во всем – кроме греха – подобным нам.

Земная история Иисуса Христа прослеживается автором на основании всех имеющихся в нашем распоряжении источников; проведен сравнительный анализ всех четырех Евангелий, выявлены причины содержащихся в них различий, степень их

достоверности. При этом книга написана живым, доступным языком и обращена к самому широкому кругу читателей.

Издание второе

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Начало Евангелия	18
I. Исторические сведения о Христе	19
Источники	19
Был ли Иисус Христос исторической личностью?	29
Человек или Бог?	35
Народ, страна, язык	41
Годы жизни	50
II. Начало евангельской истории	55
Проблема двух родословных «Братья» и «сестры» Иисуса	60
Рождение от Девы	63
Место рождения	68
Детство и отрочество. Воспитание и образование	74
III. Начало общественного служения	82
Иоанн Креститель	82
Крещение Иисуса	86
Искушение в пустыне	91
Иисус и Иоанн Креститель	102
«Галилея языческая»	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

МИТРОПОЛИТ
Волоколамский
Иларион (Алфеев)
Иисус Христос. Биография

© Митрополит Иларион (Алфеев Г. В.), 2021

© Издательский дом «Познание», 2021

Предисловие

Каждое утро, открывая календарь, мы видим в нем конкретную дату. Эта дата присутствует в нашем личном календаре, в мобильном телефоне, в компьютере, на любом новостном портале в интернете, на нашей страничке в социальной сети. Любое событие, которое произойдет сегодня, будет навеки связано именно с этой датой.

Наше настоящее, прошлое и будущее привязано к календарю. Мы безошибочно называем дату своего рождения, помним основные события своей жизни и жизни наших близких. Планируя рабочую неделю или год, мы привязываем ожидаемые события к конкретным датам, стараясь не пропустить важное событие, не забыть поздравить близких с днем рождения.

Календарь – это наш путеводитель по жизни, а даты – подобие дорожных знаков, позволяющих нам легко и быстро сориентироваться во времени.

Представим себе, что у нас не было бы календаря: каким образом мы бы отсчитывали даты?

Древние евреи, к примеру, рассчитывали даты по времени правления царей. Вот как начинается книга пророка Иеремии: «Слова Иеремии, сына Хелкиина, из священников в Анафофе, в земле Вениаминовой, к которому было слово Господне во дни Иосии, сына Амонова, царя Иудейского, в

тринадцатый год царствования его, и также во дни Иоакима, сына Иосиина, царя Иудейского, до конца одиннадцатого года Седекии, сына Иосиина, царя Иудейского, до переселения Иерусалима в пятом месяце» (Иер. 1:1–3). А вот как время начала проповеди Иоанна Крестителя обозначается в Евангелии от Луки: «В пятнадцатый же год правления Тиберия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне» (Лк. 3:1–2).

Не очень удобно, правда? Большое количество имен, которые, наверное, что-то говорили тем, кто читал эти книги в эпоху их написания, но которые мало что говорят нам, живущим три или два тысячелетия спустя. Однако если бы у нас не было календаря, тогда человеку, родившемуся в 1986 году, пришлось бы примерно так же обозначать дату своего появления на свет: «Я родился на второй год после прихода к власти Михаила Горбачева, когда президентом Америки уже пятый год был Рональд Рейган, а президентом Франции был Франсуа Миттеран». Эти имена что-то значили бы для его ровесников, но каждому новому поколению было бы все труднее в них ориентироваться.

Для того чтобы календарь был понятен всем и всегда, нужна некая общая точка отсчета. Древние римляне вели

календарь от основания Рима. В поздней Римской и в ранней Византийской империи использовался календарь, точкой отсчета в котором служило начало правления императора Диоклитиана. Церковное летоисчисление византийцы, а вслед за ними и наши русские предки вели «от сотворения мира» (при этом предполагаемая дата сотворения мира рассчитывалась по греческому переводу Библии – Септуагинте).

В разных странах и культурах существовали свои системы летоисчисления, у каждой из которых была своя отправная точка. Но постепенно все эти системы были вытеснены одной – от Рождества Христова, созданной шестнадцать веков назад римским монахом Дионисием Малым по поручению папы Иоанна I. Именно по ней мы отсчитываем все даты нашей жизни и жизни окружающих нас людей, к ней привязаны события мировой истории.

Вспомним, как, готовясь к экзамену по истории в школе или институте, мы зубрили даты исторических событий, битв, годы жизни выдающихся правителей и полководцев. И мало кто задумывался о точке отсчета, к которой привязано наше летоисчисление. Обозначался этот исторический водораздел при помощи эвфемизма «наша эра», и весь календарь делился на события «до н. э.» и просто «н. э.». Это, кстати, было не слишком удобно, потому что все события до нашей эры приходилось – и сейчас приходится – отсчитывать в обратном порядке (соответственно, время жизни того или ино-

го исторического деятеля могло начаться в пятом веке, а закончиться в четвертом).

И все же более удобного способа летоисчисления до настоящего момента человечество не изобрело. И именно деление всей мировой истории на два периода – до Рождества Христова и по Рождестве Христовом – стало универсальным. Этой единой системой летоисчисления пользуются сегодня все – и христиане, и мусульмане, и иудеи, и представители иных религиозных традиций, и атеисты.

Не раз и не два предпринимались попытки заменить эту систему какой-нибудь другой. Например, во Франции после революции 1782 года был введен календарь, в котором точкой отсчета стал именно год начала революции. Календарь был разработан прежде всего с целью дехристианизации Франции, создания нового культурного кода для всего ее населения. Но просуществовал он, по историческим меркам, совсем недолго – чуть больше двенадцати лет – и был отменен Наполеоном. С 1 января 1806 года во Франции вновь действовало летоисчисление от Рождества Христова.

Неоднократные попытки отказаться от христианского календаря предпринимали руководители советского государства после революции 1917 года. Например, номера газеты «Безбожник» за 1929 год датированы 12-м годом, поскольку все даты отсчитывались от года революции. В том же 1929 году была введена пятидневная рабочая неделя, которую затем заменили на шестидневную: идея заключалась в

том, чтобы отказаться от традиционного семидневного цикла, в котором главным выходным днем оказывалось воскресенье, а заодно отказаться и от самого названия этого дня, привязанного к событию воскресения Иисуса Христа. Но и этот календарь пришлось отменить, и с 1940 года в СССР вновь действовал семидневный цикл с традиционными названиями дней: от понедельника до воскресенья. А годы вновь отсчитывались от Рождества Христова.

Мы мало знаем обо всех этих исторических курьезах и, как правило, мало задумываемся о происхождении календаря, которым пользуемся ежедневно. Для нас употребление этого календаря кажется таким же естественным, как смена времен года, рассвет каждое утро и наступление сумерек каждый вечер.

А теперь давайте зададимся вопросом: в чем секрет живучести этого календаря? Почему он вытеснил все другие календари и стал универсальным? Почему ни одна попытка вытеснить его из употребления не увенчалась успехом? Почему именно дата рождения Иисуса Христа стала для всего мира той точкой отсчета, от которой история движется в двух разных направлениях: в будущее (наша эра) и в прошлое (до нашей эры)?

Первый и самый очевидный ответ: Иисус Христос был самым известным Человеком из всех когда-либо живших. По Своей известности Он превзошел любого исторического деятеля, даже самого прославленного. И это несмотря на то,

что Он не совершил никаких громких деяний, не завоевывал земли, не управлял территориями, не написал ни одной книги, не создал ни живописных, ни скульптурных, ни музыкальных произведений, прожил недолгую жизнь, которая по человеческим меркам закончилась трагически – мучительной смертной казнью.

А между тем, именно этого Человека в течение вот уже двух тысяч лет многие почитают Богом воплотившимся. В наше время число таких людей составляет более двух миллиардов. Именно в честь этого Человека по всему миру строились и строятся храмы. Был ли хотя бы один человек в истории, которого провозгласили бы Богом, в честь которого строили бы храмы, которому бы поклонялись так, как поклоняются Христу христиане?

Согласно современным статистическим данным, христианство является самой распространенной религией мира и единственной религией, чьи последователи живут во всех без исключения странах мира. В мире насчитывается более 4 миллионов христианских храмов и мест богослужения. Ежегодно число церквей увеличивается на пятьдесят тысяч. Христианские богослужения посещают полтора миллиарда человек, в том числе шестьсот миллионов – еженедельно.

Во многих религиозных традициях существуют лица, почитаемые как пророки (например, Магомет в исламе) или как великие учителя (например, Будда в буддизме, Конфуций в конфуцианстве), но нет ни одного другого лица, кото-

рого почитали бы как Бога и которому молились бы как Богу.

Был ли хотя бы один человек в истории, который мог бы сравниться с Иисусом Христом по количеству посвященных ему живописных изображений? В любом православном или католическом храме вы найдете как минимум несколько изображений Иисуса Христа, а в наиболее крупных храмах таких изображений может быть несколько десятков или сотен, если считать иконы в иконостасах и фрески на стенах. Общее количество размещенных в храмах изображений Христа, включая сцены из Его жизни, исчисляется десятками миллионов.

Прибавьте к этому все посвященные Христу произведения мировой живописи и скульптуры, включая самые известные («Пьета» Микеланджело, «Динарий кесаря» Тициана, «Христос в пустыне» Крамского, многочисленные Распятия от Рафаэля и Эль Греко до Гогена и Сальвадора Дали) и менее известные, их репродукции на открытках и в альбомах: речь может идти о миллиардах таких изображений.

Был ли в истории человек, о котором было бы написано столько, сколько написано об Иисусе Христе? Главная книга христиан – Библия – переведена полностью или частично на 2500 языков. Ее общий тираж к настоящему времени превысил 8 миллиардов экземпляров. Библия остается самой читаемой и издаваемой книгой в мире со времен изобретения книгопечатания. А самой читаемой частью Библии являются четыре Евангелия, содержащие жизнеописание Иисуса Хри-

ста.

Помимо Евангелий, сведения о Христе содержатся во множестве других книг – как художественных, так и научных. О Нем пишут в газетах и в интернете, ежегодно в разных странах защищаются тысячи диссертаций, посвященных различным аспектам Его жизни или учения.

Был ли в истории человек, о котором бы столько говорили? В каждом из более 4 миллионов христианских храмов звучит проповедь о Христе, при многих храмах существуют воскресные школы, кружки по изучению Евангелия. О Христе говорят профессора с университетских кафедр, о Нем пишут сочинения студенты, о Нем рассуждают, спорят, Им восхищаются, Его критикуют. Имя Иисуса Христа не сходит с уст вот уже две тысячи лет, и ни одно другое имя на земле не произносится столь часто.

Была ли в истории иная личность, которая оказала бы столь глубокое, всеобъемлющее и оплодотворяющее влияние на развитие человеческой культуры? Именно Иисус Христос на долгие века задал вектор культурного развития нескольких континентов. Начавшись на Ближнем Востоке, христианство очень быстро распространилось по территории Малой Азии и Северной Африки, затем перекинулось на Европу – Восточную и Западную. В дальнейшем христианская цивилизация охватила собой обе Америки, Австралию, значительную часть Африки и Юго-Восточной Азии. И в каждом из этих регионов христианство оказало огромное,

во многих случаях решающее влияние на развитие культуры, сформировало культурные коды целых народов.

Можно ли какую-либо еще личность сравнить с Иисусом Христом по степени влияния на развитие нравственности? При полном отсутствии у Него каких-либо черт социального реформатора, Его учение с течением веков стало причиной глубоких, радикальных изменений во всей системе взаимоотношений между людьми – не только на уровне личной нравственности, но и на социальном уровне.

Иисус не призывал к отмене рабства, но именно благодаря христианскому пониманию природного равенства между людьми рабство было в конце концов отменено. Он не призывал к смене политического режима или реформе правового кодекса, но именно благодаря христианству человеческое сообщество создало те правовые механизмы, которые сегодня лежат в основе жизнедеятельности многих государств. Иисус не был борцом за социальные права, но именно на христианском учении базируется то понимание прав человека, которое позволило женщинам и детям стать полноценными членами общества, позволило искоренить неравенство в общественных правах, дискриминацию по национальному и расовому признаку и многие другие дефекты общественного устройства, характерные для древнего мира.

Можно привести множество других примеров влияния Иисуса Христа на развитие человеческой цивилизации в самых разных ее аспектах, но полагаю, что приведенных впол-

не достаточно для того, чтобы понять причины, по которым рождение именно этого Человека стало точкой отсчета в нашем календаре. Во всемирном масштабе у Иисуса Христа нет конкурентов по объему влияния на умы и сердца людей, на их личную и общественную жизнь, на их мировоззренческие и нравственные установки.

Я не случайно упомянул о личной жизни. Многие учителя нравственности оставили после себя сочинения, которыми мы восхищаемся и которые изучаем, но при этом мы можем очень мало знать о самих этих учителях и не ощущать никакой личной связи с ними. Если же говорить об учении Иисуса Христа, то оно неотделимо от Его личности, и следование учению Христа предполагает непрременную личную связь с Ним.

Это может показаться парадоксальным. Разве недостаточно усвоить преподанные Им нравственные уроки и следовать им в жизни? Некоторые мыслители прошлого, например Лев Толстой, считали, что достаточно. Но, отделив христианство от Христа, отвергнув основные догматы христианства – о рождении Христа от Девы, о Его чудесах, об искупительном характере Его смерти, о Его воскресении, – Толстой вместе с водой выплеснул из ванны ребенка. В версии Толстого от христианства не осталось ничего кроме банального морализаторства, оно полностью утратило свою вдохновляющую и преображающую силу.

И приведу другой пример: ночное пасхальное богослуже-

ние в православном храме. Если вы никогда не присутствовали на таком богослужении, сходите и посмотрите, хотя бы из любопытства. Обратите внимание на лица людей, на их глаза, горящие ярче, чем горят свечи у них в руках. И когда священник возглашает «Христос воскресе», люди со слезами радости и умиления многократно отвечают «Воистину воскресе», будто речь идет о важнейшем событии их личной жизни. Так реагируют, когда узнают, что близкий человек, которого считали пропавшим без вести на войне, вернулся с фронта целым и невредимым, или что находившийся долгое время в коме неожиданно пришел в сознание и встал с больничной койки. А ведь слова «Воистину воскресе» относятся не к родственнику, не к другу, а к Человеку, Который жил две тысячи лет назад в далекой стране и Который никакими внешними узами не связан с миллионами людей, празднующими Его воскресение.

В чем же тайна этой уникальной личности? Почему две тысячи лет спустя после рождения Христа люди продолжают все даты своего календаря ориентировать на это событие? Почему через две тысячи лет после Его воскресения миллионы людей по всему миру на Пасху, а многие и в каждый воскресный день приходят в храмы, чтобы отпраздновать это событие? Почему книга о Нем остается самой читаемой, издаваемой, переводимой, цитируемой из всех когда-либо написанных? Почему личность Христа сохраняет актуальность и значимость на пороге XXI века?

На эти вопросы я попытаюсь ответить в настоящей книге, содержащей биографию Иисуса Христа и изложение Его учения, сопровождаемое авторским комментарием.

Ранее я написал шесть книг под общим названием «Иисус Христос. Жизнь и учение». Работа над этой книжной серией дала мне возможность очень обстоятельно изучить исторический контекст жизни Иисуса Христа, дать подробный анализ Его учения со ссылками на толкования древних авторов и современную научную литературу.

В настоящей книге я обращаюсь к той же теме, но постараюсь изложить ее значительно короче, в одном томе, без многочисленных подстрочных примечаний, без длинных цитат из древних авторов, без полемики с современными научными теориями. Моя задача – дать панораму жизненного пути Иисуса Христа и обзор основных пунктов Его учения.

Глава 1. Начало Евангелия

Откуда мы знаем об Иисусе Христе? Был ли Он исторической личностью? Был ли Он простым человеком или воплотившимся Богом? Где и когда Он родился? К какому народу принадлежал? На каком языке говорил? С ответов на эти вопросы я начну разговор об Иисусе Христе в настоящей главе.

Далее будет рассмотрен материал, содержащийся в начальных главах четырех Евангелий: повествования о рождении Иисуса и связанных с ним событиях; о крещении Иисуса и Его взаимоотношениях с Иоанном Крестителем; об искушении от диавола в пустыне. Отдельные тематические разделы будут посвящены взаимоотношениям Иисуса с учениками и началу конфликта между Ним и Его противниками.

В завершение этой главы я попытаюсь набросать обобщенный портрет Иисуса, как он вырисовывается из Евангелий, рассмотреть Его образ жизни и указать на основные черты Его характера.

I. Исторические сведения о Христе

Источники

Всякий, кто впервые берет в руки Библию, обнаруживает, что она делится на две неравных по объему части: Ветхий Завет и Новый Завет. Первая часть содержит описание событий, имевших место до нашей эры, вторая описывает то, с чего началась наша эра. Тот же водораздел, что существует в современной системе летоисчисления, обнаруживается и в самой читаемой на планете книге.

Открывая Библию в том месте, где начинается Новый Завет, читатель сразу же обращает внимание на то, что история жизни Иисуса Христа изложена четыре раза – в четырех книгах, называемых Евангелиями (греческое слово «Евангелие» означает «Благая весть»). Каждое из них имеет свой подзаголовок, указывающий на предполагаемого автора: от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. При этом первые три Евангелия, в науке называемые «синоптическими» (то есть «совместно смотрящими»), достаточно близки по содержанию, иногда даже текстуально повторяют одно другое, а четвертое довольно сильно от них отличается.

У каждого из Евангелий есть свои особенности, отличающие его от других трех.

Матфей делает упор на иудейское происхождение Иисуса Христа, Его принадлежность к богоизбранному израильскому народу. Он обращает особое внимание на то, как в событиях жизни Иисуса сбываются древние пророчества, и приводит тексты этих пророчеств. Тема соотношения между учением Иисуса и законом Моисеевым ни в одном из четырех Евангелий не находила столь полного раскрытия, как у Матфея. Считается, что главным адресатом Евангелия от Матфея были христиане иудейского происхождения, хорошо знакомые с иудейскими обычаями того времени.

Евангелие от Марка – самое короткое. В нем отсутствуют многие эпизоды, включенные в два других синоптических Евангелия. При этом те события, которые приведены, нередко описываются более подробно, чем у других Евангелистов. Полагают, что это Евангелие было обращено к христианам Рима, поэтому Марк дает перевод малопонятных еврейских слов, а поучения, в которых говорится об иудейских обычаях, опускает.

В Евангелии от Луки есть оригинальный материал, отсутствующий как у Марка, так и у Матфея. Только Лука приводит предысторию рождения Иисуса Христа, рассказывая о Благовещении Богородицы, а также о рождении Иоанна Предтечи. В целом Лука значительно больше места уделяет женщинам, чем два других Евангелиста-синоптика. Если у Матфея и Марка основная часть событий происходит в Галилее и лишь в последних главах Иисус приходит в Иеруса-

лим, то Лука уделяет значительную часть повествования событиям, происходившим на пути из Галилеи в Иерусалим, и притчам, произнесенным в этот период.

Наконец, Иоанн отличается от трех других Евангелистов тем, что основное внимание концентрирует на событиях, происходивших в Иерусалиме. Только из этого Евангелия мы узнаем, что Иисус приходил в Иерусалим на каждую Пасху и на некоторые другие праздники. Если прочие Евангелисты описывают прежде всего человеческую историю Христа и говорят о Нем через призму этой истории, то Иоанн с самых первых строк своего Евангелия говорит об Иисусе как воплотившемся Боге, а затем до самых последних страниц последовательно раскрывает эту мысль. В Евангелии от Иоанна отсутствуют притчи Иисуса и описано всего лишь несколько Его чудес, однако описания эти гораздо более подробны, чем у других Евангелистов.

Все четыре Евангелия были написаны в I веке – что называется «по горячим следам». В основе каждого Евангелия лежит свидетельство одного или, возможно, нескольких очевидцев. В церковной традиции считается, что Матфей и Иоанн были учениками Иисуса и описали то, что видели сами, а Марк и Лука записывали свои Евангелия со слов других очевидцев, в первую очередь апостола Петра. Современные исследователи Нового Завета нередко выдвигают альтернативные гипотезы относительно авторства Евангелий или их отдельных частей, но большинство сходится в

том, что в основе евангельского текста лежат именно свидетельские показания.

Именно эта характерная особенность евангельского текста стала причиной того, что в корпус Нового Завета, сложившийся в основном уже к концу II века, были включены все четыре Евангелия, а не какое-либо одно. Более того, Церковь никогда не предпринимала попытку сшить эти четыре Евангелия в единое связное повествование, а когда такие попытки делались, она их последовательно отвергала. Свидетельские показания были сохранены Церковью в том виде, в каком они были изначально написаны, и даже те противоречия, которые существуют между ними, Церковь не посчитала нужным устранить.

Так, например, из Евангелия от Матфея следует, что родным городом Иисуса был Вифлеем, тогда как в Евангелии от Луки говорится, что Его родители жили в Назарете, а в Вифлееме оказались из-за переписи населения. В Евангелиях от Марка и Луки Иисус исцеляет слепца, а в параллельном повествовании Матфея – двух слепцов. У Матфея, Марка и Иоанна Он садится на осла и въезжает на нем в Иерусалим, у Матфея Он садится на ослицу и осленка. В синоптических Евангелиях говорится, что Христос был распят на Пасху, а в Евангелии от Иоанна – что Он был распят накануне Пасхи.

Об этих противоречиях в свое время много писала атеистическая пропаганда, делая на их основе вывод о недостоверности всей евангельской истории. Однако, во-первых,

между Евангелиями есть разночтения в деталях, но нет никаких противоречий по существу. А во-вторых, – и это главное, – наличие таких разночтений лишь подчеркивает достоверность свидетельских показаний, лежащих в основе каждого из четырех Евангелий. Да, кто-то что-то запомнил, услышал и записал по-своему, но в этом и заключается ценность свидетельских показаний. Если бы не было никаких разночтений, это означало бы сговор между четырьмя свидетелями. Разночтения показывают не только, что сговора не было, но и что в отдельных случаях один свидетель считал нужным поправить другого.

Этим объясняются, в частности, многие расхождения между Иоанном и тремя другими Евангелистами. По общепринятому мнению, он писал позже других и знал если не тексты Евангелий от Матфея, Марка и Луки, то по меньшей мере ту устную традицию, которая лежала в их основе. Будучи очевидцем событий, о которых он рассказывает, он прежде всего считал необходимым дополнить повествования трех других Евангелистов тем материалом, который они оставили за кадром. Но в некоторых случаях – например, в своих показаниях касательно даты распятия – он фактически корректирует то, что пишут они.

Сравним эту ситуацию с тем, что происходит, когда картину какого-то события пытаются восстановить по показаниям свидетелей. Особенность свидетельских показаний заключается в том, что каждый свидетель видит и запоминает со-

бытия по-своему. Если, например, два автомобиля столкнулись на дороге, то один свидетель увидит аварию с одной точки, другой – с другой; один увидит сам момент столкновения, другой лишь обернется, услышав удар, и, соответственно, станет свидетелем не самого столкновения, а его последствий. Общая картина сложится не на основании одного свидетельства, а из совокупности свидетельских показаний, даже если в конкретных деталях эти показания противоречат одно другому.

Особенностью четырех Евангелий является то, что они описывают одну и ту же историю и в центре каждого из четырех стоит личность Иисуса Христа. В каждом из Евангелий мы узнаем одну и ту же личность, подобно тому, как портрет одного и того же человека может быть написан четырьмя разными художниками. Каждое из Евангелий рисует вполне цельный и законченный образ Иисуса, но при этом полную картину Его жизни и учения дают только четыре Евангелия вместе взятые.

Как насчет других, так называемых «неканонических», или «апокрифических» Евангелий? Ведь известно, что в I, II и III веках циркулировали литературные памятники, имевшие название Евангелий, но они не были включены в корпус Нового Завета (от Фомы, от Петра, от Никодима). Некоторые из них Церковь решительно отвергла, подобно тому, как на суде отвергают лжесвидетельства. Другие Церковью частично восприняты и отдельные элементы из них сохранены цер-

ковной традицией. Так, например, учение о том, что после Своей смерти Христос сошел в ад, заимствовано из Евангелия от Никодима. Однако к биографии Христа этот сюжет не может ничего существенного дополнить.

Кто-то может спросить: а по какому праву Церковь присвоила себе прерогативу отбора текстов для включения в корпус Нового Завета, отделения свидетельств от лжесвидетельств? По той же причине, по какой имуществом умершего и оставшейся от него интеллектуальной собственностью распоряжаются его прямые наследники или те, кого он указал в своем завещании, а в дальнейшем – их потомки.

Иисус Христос не оставил после Себя никаких письменных документов: Его проповедь, насколько можно судить по имеющимся источникам, имела исключительно устный характер. Это отличало Его от многих других учителей нравственности, которые считали своим неременным долгом письменно зафиксировать то, что они хотели сказать современникам и потомству. Иисус полностью доверил передачу Своего учения тем, кого Он избрал для этого. По сути, только от них мы и знаем, чему Он учил и как Он жил.

В первые годы после Его смерти и воскресения рассказы о Его жизни существовали, по-видимому, исключительно в устной форме. Первые христиане собирались по воскресеньям, чтобы вспомнить о Нем, и на этих собраниях апостолы пересказывали эпизоды из жизни Христа, Его притчи и поучения. Со временем их стали записывать. Так и появились

на свет четыре Евангелия.

Тут возникает другой вопрос: а насколько достоверно воспроизведены в Евангелиях поучения Иисуса Христа, если их воспроизводили по памяти? Этот вопрос был в очень резкой форме поставлен учеными в XIX веке, а в XX веке некоторые стали даже утверждать, что в Евангелиях лишь незначительный процент текста воспроизводит то, что происходило в реальности, а в основном они являются продуктом деятельности лидеров христианских общин, вложивших в уста Иисуса то, что они хотели сообщить своей пастве.

Такое мнение, однако, основывается не только на крайне предвзятом подходе к самой евангельской истории, но и на некомпетентности по отношению к тем способам передачи информации, которые существовали в древности. Не будем забывать о том, что большинство современников Иисуса не умели читать и всю информацию они получали и усваивали исключительно в устной форме. При этом многие знали наизусть большие отрывки или даже целые книги из Ветхого Завета. Все это усваивали на слух – сначала в семье, потом в синагоге.

В наше время люди не доверяют памяти, считают ее ненадежным способом хранения и воспроизведения информации, предпочитают все записывать – в блокноты или гаджеты. Но в древности у людей не было ни блокнотов, ни гаджетов, и главным хранилищем информации была именно память. При этом, если речь шла о текстах, их запоминали не

близко к тексту, а слово в слово.

Даже в наше время дети заучивают наизусть стихи, еще не умея читать. Такие стихи, выученные в раннем возрасте, человек запоминает на всю жизнь и даже спустя много десятилетий способен бывает их дословно воспроизвести. Нет ничего удивительного в том, что ученики Иисуса, на протяжении трех с лишним лет ходившие вместе с Ним и слушавшие Его поучения, запомнили их слово в слово и смогли воспроизвести. Его речь была поэтичной, афористичной, легко запоминающейся. К тому же Свои поучения Он произносил не один и не два раза, а, судя по всему, много раз перед разными аудиториями.

Еще кое-что о памяти. В детстве и юности люди моего поколения носили в голове два или три десятка семизначных телефонных номеров: свой собственный, своих родителей или детей, других родственников, наиболее близких друзей, некоторых сослуживцев. Сегодня мало кто пользуется телефонными аппаратами с ручным набором, а потому современному молодому человеку даже трудно представить, что такое количество цифр можно держать в голове. А между тем, в этом не было ничего сверхъестественного: цифры запоминались сами, поскольку набирать их приходилось вручную.

Даже при разнице в одно поколение можно наблюдать существенные отличия в том, как работают механизмы запоминания и воспроизведения информации. Если же нас отде-

ляют от носителей информации две тысячи лет, мы можем лишь очень приблизительно судить о том, как у них работала память. И подозревать их в неаккуратности передачи информации только на том основании, что у них, в отличие от нас, не было блокнотов или гаджетов, мы не можем.

В жизни каждого бывают беседы, которые запоминаются с буквальной точностью и которые человек может дословно воспроизвести даже много десятилетий спустя. Это те беседы, которые оказали особое влияние на судьбу человека, на его мировоззрение, или это беседы с особенно значимыми людьми, каждое слово которых врезается в память. Почему ученики Иисуса, проведшие вместе с Ним столько времени и слышавшие Его поучения, не могли запомнить их буквально и донести до следующих поколений, тем более, что все они слышали то, что Он говорил, и, следовательно, при устном воспроизведении слов Иисуса одним из учеников другие могли их уточнить?

Более того, вполне возможно, что какие-то поучения записывались за Христом прямо в момент их произнесения. Стенографирование устных поучений было достаточно широко распространено в древности, и даже авторы литературных произведений, как правило, не писали их сами, а диктовали секретарю.

Многие Евангелисты изображаются на иконах сидящими возле пюпитра с раскрытой книгой и вписывающими слова в пустые листы бумаги. Однако более соответствующим древ-

нему способу записи текстов является икона апостола Иоанна Богослова, на которой он изображен в компании своего ученика Прохора: Иоанн диктует, а Прохор записывает текст в книгу. Нельзя исключить, что и вокруг Иисуса были такие Прохоры, которые записывали Его поучения, а впоследствии собрали их в книгу.

Был ли Иисус Христос исторической личностью?

Вопрос о том, был ли Христос исторической личностью, кому-то может показаться неуместным. Между тем, в сравнительно еще недавние времена отрицание историчности Христа было господствующим трендом в атеистическом религиозоведении.

Известная книга Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», по которой многие в советское время узнавали о существовании Иешуа Га-Ноцри (Иисуса из Назарета), начинается с того, что двое литераторов на московском бульваре рассуждают об Иисусе Христе: одному заказали написать про Него поэму, а другой дает советы, касающиеся ее содержания. Так вот, этот второй литератор доказывает первому, «что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф».

Ссылаясь «на древних историков, например, на знаменитого Филона Александрийского, на блестяще образованного Иосифа Флавия, никогда ни словом не упоминавших о существовании Иисуса», персонаж Булгакова воспроизводит основные доводы так называемой мифологической теории, имевшей широкое хождение в 1920-е и 30-е годы в Третьем рейхе и в советской России. Согласно этой теории, Иисус Христос – не что иное, как литературный персонаж, смоделированный на основе древнеегипетских и древнегреческих мифов о воскресающих и умирающих богах.

Теория эта, в свое время использовавшаяся в идеологических целях, умерла вместе с теми идеологиями, для обслуживания которых создавалась. И тем не менее то и дело возникают все новые и новые «научные» труды, в которых историчность Иисуса подвергается сомнению. И главным аргументом всегда оказывается отсутствие видимых, материальных доказательств Его существования. Один бывший баптистский пастор, обратившийся из христианства в атеизм, высказался по этому поводу так: «Может быть, и существовал некий исторический Иисус, но мы этого никогда не узнаем, если только кто-нибудь не обнаружит его дневник или его скелет».

Между тем, есть много древних исторических деятелей, от которых не осталось ни скелета, ни собственноручных писаний. Ни от одного из древнегреческих философов не осталось никаких автографов: все их сочинения дошли до нас

в позднейших рукописных копиях. Более того, о некоторых философах мы знаем лишь из свидетельства их учеников: так, например, о Сократе мы знаем только из диалогов Платона. Это, однако, не заставляет ставить под сомнение существование Сократа как исторической личности, не говоря уже о самом Платоне.

Несправедливым является и утверждение, будто об Иисусе Христе молчат Его современники. На самом деле у иудейского историка Иосифа Флавия, который был современником Христа, есть о Нем прямое свидетельство: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени»¹.

Многие современные ученые, стоящие на позициях скептицизма по отношению к историчности Христа, считают это место позднейшей христианской вставкой. Однако не сохранилось ни одной рукописи сочинения Иосифа Флавия

¹ *Иосиф Флавий. Иудейские древности* 18, 3, 3.

«Иудейские древности», где бы этой «вставки» не было. В таких условиях необходимость доказывать ее неподлинность лежит на самих скептиках. Но доказательств в их арсенале, кроме голословной гипотезы, нет.

О Христе и христианах упоминают римские историки Тацит, Светоний и Плиний Младший: ни у одного из них историчность Христа не вызывает сомнений.

Об Иисусе Христе, не называя Его по имени, также говорит сирийский автор Мара бар Серапион в письме к сыну, датированном концом I века: «Что выиграли афиняне, казнив Сократа? Голод и чума обрушились на них в наказание за их преступление. Что выиграли жители Самоса, предав сожжению Пифагора? В одно мгновение пески покрыли их землю. А что выиграли евреи, казнив своего мудрого Царя? Не вскоре ли после этого погибло их царство? Бог справедливо отомстил за этих трех мудрых мужей: голод поразил Афины, море затопило Самос, а евреи, потерпевшие поражение и изгнанные из своей страны, живут в полном рассеянии. Но Сократ не погиб навеки – он продолжал жить в учении Платона. Пифагор не погиб навеки – он продолжал жить в статуе Геры. Не навеки погиб и мудрый Царь: Он продолжал жить в Своем учении».

Однако самым убедительным свидетельством историчности Иисуса Христа являются Евангелия. Одних только греческих рукописей Нового Завета, находящихся на учете у современных исследователей, сегодня известно более 5600.

При этом самые ранние из них датируются началом II века, то есть отстоят от времени описываемых в них событий всего на несколько десятилетий. Для сравнения: число дошедших до нас рукописей Гомера не превышает нескольких сотен, и самые ранние из них отстоят от предполагаемого времени жизни поэта на десять веков.

По количеству сохранившихся рукописей, а также по близости их создания ко времени описываемых в них событий Евангелия и другие книги Нового Завета несопоставимы с каким бы то ни было древним литературным памятником. Одно только количество имеющихся рукописей могло бы быть достаточным свидетельством историчности персонажей и событий, о которых рассказывается на их страницах.

Однако есть и другие доказательства, например, тот факт, что Евангелия четко позиционируют жизнь Иисуса во времени. Начальные главы Евангелия от Луки включают упоминания обо всех известных правителях, при которых происходили описываемые события, в частности об Ироде, царе Иудейском (Лк. 1:5), кесаре Августе и правителе Сирии Квиринии (Лк. 2:1–2), о римском прокураторе Понтии Пилате, четвертовластниках Ироде Антипе, Фииппе и Лисании, первосвященниках Анне и Каиафе (Лк. 3:1–2). Первосвященники Анна и Каиафа, царь Ирод и префект Иудеи Понтий Пилат упоминаются и в других Евангелиях, а также в целом ряде иных исторических источников. Если бы Иисус Христос не существовал в реальности, представлялось бы весьма

затруднительным столь точно вписать вымышленную личность в столь четко очерченный временной и исторический контекст без того, чтобы мистификация быстро вскрылась.

География евангельского повествования весьма конкретна: на страницах Евангелий описываются многие города и селения, сохранившиеся до сего дня, такие как Иерусалим, Назарет, Вифлеем и другие. По этим упоминаниям достаточно легко прослеживаются передвижения Иисуса и Его учеников по территории Палестины. Если бы Евангелия создавались значительно позже описываемых в них событий, а их персонажи были литературной фикцией, каким образом Евангелисты могли бы столь точно позиционировать эти события в пространстве?

Совокупность внутренних и внешних свидетельств с очевидностью доказывает тот факт, что Иисус Христос был реальной исторической личностью, жившей в конкретный период времени в конкретном месте. И хотя иные исследователи сравнивают рассказ о воскресении Христа с древним египетским мифом об Осирисе, а истоки других евангельских повествований видят в других древних мифах, разница между Христом и мифологическими персонажами достаточно очевидна. На самом деле, свидетельств о Нем сохранилось гораздо больше, чем о каком бы то ни было герое истории древнего мира.

Человек или Бог?

И Новый Завет, и последующая церковная традиция говорят об Иисусе Христе как Боге и человеке в одном лице. Церковь всегда воспринимала свое учение о богочеловечестве Иисуса как последовательное раскрытие тех истин, которые содержатся в Евангелиях и апостольских посланиях.

Тем не менее мы не можем обойти вниманием аргументы тех, кто утверждает, что Иисус не был тем, за кого Его выдаст Церковь, и что сама Церковь не сразу пришла к мысли о том, что Иисус является Богом. В разной форме и в разных вариантах те или иные лица или группы высказывали предположение, что Церковь постепенно, в течение веков создала образ Сына Божия из простого человека Иисуса, пусть и наделенного особыми дарованиями и особой мудростью. Многие ученые до сих пор искренне верят в то, что лишь после нескольких столетий споров о том, является ли Иисус Богом или простым человеком, вера в божественность Иисуса возторжествовала среди церковной иерархии, а затем была «навязана» всей Церкви.

Что говорят нам канонические Евангелия о Божестве Иисуса? Можем ли мы утверждать, что вера в Иисуса как Бога воплотившегося была изначальной верой Церкви?

Говоря о Себе в третьем лице, Сам Иисус чаще всего называет Себя «Сыном Человеческим»: это словосочетание

встречается в четырех канонических Евангелиях в общей сложности 85 раз. «Сын Человеческий» – идиома, означающая на еврейском языке не что иное как «человек». Можно было бы предположить, что, называя Себя Сыном Человеческим, Иисус намеренно подчеркивает Свое человеческое, а не божественное происхождение.

В то же время Сын Человеческий, о Котором говорит Иисус, – отнюдь не обычный человек: Он – «сущий на небесах» (Ин. 3:13), на Нем «положил печать Свою Отец, Бог» (Ин. 6:27), к Нему восходят и нисходят ангелы Божии (Ин. 1:51). Сын Человеческий сошел с неба (Ин. 3:13), чтобы спасти души человеческие (Лк. 9:26). Он имеет власть на земле прощать грехи (Мф. 9:6), Его плоть и кровь должны вкушать верующие, чтобы иметь в себе жизнь (Ин. 6:53). Он воскреснет из мертвых (Мр. 9:9) и вознесется на небо (Ин. 3:13) – туда, где был прежде (Ин. 6:62). Его второе пришествие будет неожиданным (Мф. 24:44; 25:13), подобным молнии, сверкнувшей на одном краю неба и блистающей до другого (Лк. 17:24). Он придет во славе Отца Своего со святыми ангелами (Мр. 8:38), сядет на престоле славы Своей и посадит апостолов на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых (Мф. 19:28), пред Ним соберутся все народы, и Он будет отделять среди них овец от козлов (Мф. 25:31–33).

Иисуса нередко называют Сыном Божиим (Мф. 14:33), Сыном Бога Живого (Мф. 16:16; Ин. 6:69), и Он принима-

ет эти наименования (Лк. 22:70). На вопрос первосвященника «Ты ли Христос, Сын Божий?» – Иисус дает утвердительный ответ, но при этом добавляет: «Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках воздушных» (Мф. 26:63–64). В отношении Самого Себя Иисус попеременно употребляет имена «Сын Человеческий» и «Сын Божий» в качестве синонимов (Ин. 3:13–18; 5:25–27).

Библейское наименование «сын Божий» совсем не обязательно должно указывать на то, что его носитель является Богом (во всяком случае, когда употребляется во множественном числе). Однако в Новом Завете выражение «Сын Божий» приобретает особый смысл применительно к Иисусу Христу. Иисус – Единородный Сын Божий (Ин. 3:16; 3:18; 1 Ин. 4:9), Единородный от Отца (Ин. 1:14), «сущий в недре Отчем» (Ин. 1:18). В беседах с учениками и с иудеями, записанных Евангелистом Иоанном, Иисус многократно свидетельствует о Своем единстве с Отцом: «Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его» (Ин. 5:23); «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин. 6:38); «Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца (Ин. 10:15); «Дела, которые творю Я во имя Отца Моего – они свидетельствуют о Мне... Я и Отец – одно (Ин.10:25, 30)»; «Я в Отце и Отец во Мне» (Ин. 14:11).

Хотя Иисус называет Себя Сыном Отца и свидетельствует о Своем единстве с Отцом, Он почти нигде в Евангелиях не

называет Себя Богом. Исключение составляет случай, когда в ответ на обращенные к Нему слова диавола Он говорит: «Не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4:7; Лк. 4:12). Здесь Он применяет к Самому Себе оба наименования, относящиеся к Отцу: Господь и Бог. Отвечая на другие слова диавола, Он говорит, имея в виду Своего Отца: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Мр. 4:10; Лк. 4:8).

Когда некто назвал Его «учителем благим», Иисус сказал ему: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (Мф. 19:17; Мр. 10:18; Лк. 18:19). Ответ Иисуса можно понять в том смысле, что Он отрицает Свою божественность, противопоставляя Себя Богу. Однако Его слова могут быть поняты и в ином смысле: «называя Меня благим, ты признаешь Мою божественность».

В Евангелиях и посланиях апостольских имя «Бог» употребляется, главным образом, применительно к Отцу, тогда как по отношению к Иисусу последовательно употребляется имя «Господь». В то же время в посланиях апостола Павла Иисус Христос также неоднократно именуется Богом: «Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь» (Рим. 9:5); «Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (Тит. 2:13); «В Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9). Иоанн Богослов в своем 1-м послании говорит об Иисусе Христе: «Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин. 5:20).

В раннехристианской общине приложение имени «Господь» к Иисусу, безусловно, означало признание Его божественности. Апостол Фома употребляет слова «Господь» и «Бог» в качестве синонимов, когда обращается к воскресшему Иисусу со словами: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20:28). По словам апостола Павла, «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12:3).

Наиболее явным утверждением веры ранней Церкви в Божество Иисуса Христа является пролог Евангелия от Иоанна, в котором Иисус отождествляется с вечным Словом Божиим: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его... И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. 1:1–5, 13–14).

Именно эти слова четвертого Евангелия являются манифестом веры древней Церкви в божественность Иисуса. В прологе Евангелия от Иоанна содержится признание того, что Слово Божие, Единородный Сын Божий, есть Бог. Слово «стало плотью», воплотилось, сделалось человеком и жило среди людей. Именно в том, что Бог стал человеком, и заключается Благая Весть, которую принесли миру Евангелисты и апостолы Иисуса. И именно в этой вести – новизна

христианства как Нового Завета между Богом и людьми.

Убежденность в божественном происхождении Иисуса была изначальной верой Церкви. И можно говорить о том, что учение Церкви о божественности Иисуса Христа было последовательным на протяжении всей христианской истории. Даже в наши дни, когда христианство существует в форме различных конфессий, деноминаций и общин с обширным списком взаимных разногласий, все христиане – и католики, и православные, и протестанты – признают Иисуса Христа Богом и Спасителем.

Означает ли это признание какое-либо умаление человеческой природы Христа? Иными словами, если Иисус Христос – Бог, можно ли Его считать полноценным человеком? На это Церковь всегда отвечала твердо и однозначно: Он является полноценным Богом, но одновременно является полноценным человеком, во всем подобным нам, кроме греха. Он не получеловек и полубог, но полноценный человек и полноценный Бог.

В первой половине V века Церковь провозгласила, что две природы – божественная и человеческая – соединены в Иисусе Христе «неслитно, неизменно, неразлучно, нераздельно». Это значит, что две природы во Христе не сливаются одна с другой, так, чтобы из них составила́сь некая новая природа; не поглощаются одна другой; не изменяются при соединении одна с другой. В то же время они не разлучаются одна с другой и не разделяются после того, как соединились

в момент зачатия от Духа Святого.

Иисус Христос – единая неделимая Личность, в которой божественная и человеческая природы соединены гармоничным и неразрывным образом. Вот почему христианское богословие не отделяет вечного Сына Божия от родившегося во времени Человека Иисуса. И хотя Дева Мария родила Иисуса по-человечески, Она именуется Богородицей, потому что вечный Сын Божий и родившийся во времени Человек Иисус – одно и то же Лицо.

Вера в то, что Иисус был полноценным Богом и полноценным человеком, открывает путь к пониманию евангельской истории. Подобно сейфу, закрытому на два замка, евангельская история непременно требует двух ключей. Любое умаление божественной природы Христа неизбежно приводит к искаженному и усеченному восприятию евангельской истории. Но и любая попытка как-либо умалить полноту Его человеческой природы лишает Евангелие того реализма, которым дышит каждая его страница.

Народ, страна, язык

По рождению Иисус принадлежал к народу, произошедшему от библейского патриарха Авраама. Об истории этого патриарха и его потомков повествует первая часть Библии – Ветхий Завет.

Авраам первоначально жил в Уре Халдейском, располо-

женном в южной Вавилонии² недалеко от побережья Персидского залива. Получив повеление от Господа, он отправился оттуда в землю Ханаанскую, придя сначала в Харран³, а затем в Сихем⁴, где Бог пообещал отдать ему эту землю (Быт. 12:3–7). С этого момента начинается колонизация Ханаанской земли Авраамом и его потомством, получившим наименование народа Израильского, по имени внука Авраама – Иакова, которому Бог дал новое имя Израиль (Быт. 32:28). Для Израильского народа это была святая земля, принадлежавшая Самому Богу: она воспринималась как Его наследие и удел. Библия приводит слова Бога, обращенные к народу Израильскому: «ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Лев. 25:23).

Вся ветхозаветная история, начиная с Авраама, представляет собой историю борьбы евреев за право обладания землей обетованной, которая к моменту прихода туда Авраама была густо заселена. Многочисленное потомство Авраама начинает теснить местные племена, ведя с ними войны. Двенадцать сыновей Иакова делят между собой и своим потомством землю Ханаанскую, однако вследствие продолжительного голода им приходится переселиться в Египет. Этим заканчивается Книга Бытия. Возвращению народа Израильского из Египта посвящена Книга Исход, главным героем

² Ныне на территории Ирака.

³ Ныне на территории Турции возле границы с Сирией.

⁴ Ныне на территории Израиля.

которой является Моисей, выведший Израильский народ из египетского плена.

Повторное освоение земли обетованной потомками Авраама после возвращения из Египта, датируемого приблизительно XV веком до Р. Х., опять же сопряжено с многочисленными войнами. Первоначально народ Израильский не имел своей государственности. В течение некоторого времени он управлялся судьями – родовыми вождями: этому периоду посвящена Книга Судей. Затем, около 1030 года до Р. Х., пророк Самуил помазал на царство Саула, и с этого момента начинается история, отраженная в 1-й и 2-й Книгах Царств и двух Книгах Паралипоменон.

Вторым Израильским царем стал Давид, который, вскоре после того как был помазан на царство (это произошло на рубеже второго и первого тысячелетий до Р. Х.), захватил Иерусалим, сделав его столицей объединенного Израильского царства. В историю еврейского народа Давид вошел как самый успешный правитель: с его именем связана эпоха политического и культурного расцвета Израиля. Кроме того, Давид известен как пророк и поэт – автор большинства псалмов, составивших Книгу Псалтирь. Сын Давида, Соломон, построил Первый Иерусалимский храм.

После смерти Соломона единое Израильское царство разделилось на два: Израиль и Иудею. В результате многочисленных войн территориальные границы этих двух царств постоянно менялись. После разрушения Первого храма вой-

сками вавилонского царя Навуходоносора в 586 году основная часть иудеев была уведена вавилонянами в плен. В 539 году, когда Вавилония была завоевана персидским царем Киром, евреям было разрешено вернуться в свою землю и восстановить храм. Строительство Второго храма было завершено в 516 году. При этом территория бывших царств Израильского и Иудейского вошла в состав Персидской империи, внутри которой Иудея и Самария составили две отдельных провинции.

По всей территории Иудеи, Галилеи и Самарии в период после вавилонского плена было построено множество синагог – домов для собраний. В отличие от храма, синагога не воспринималась как культовое сооружение: она была прежде всего домом учения, где благочестивые евреи читали Тору (Пятикнижие Моисеево) и книги пророков, обсуждали содержание прочитанных книг. В то же время в синагогах возносились совместные молитвы, имевшие характер богослужения. В синагогах собирались по субботам. В Евангелиях описаны многочисленные случаи посещения синагог Иисусом (Мф. 4:23; 9:35; 12:9; 13:54; Мр. 1:21; 1:39; 3:1; 6:2; Лк. 4:15–16; 4:44; 6:6; 13:10; Ин. 6:59).

Однако главным духовным центром для иудеев оставался Иерусалимский храм. При храме нес свое служение глава духовной иерархии Израильского народа – первосвященник. Служение первосвященника было наследственным, передаваясь, как правило, от отца к сыну. Первым человеком в ис-

тории Израильского народа, получившим это служение, был брат Моисея Аарон, от которого оно перешло к его потомкам. В период вавилонского пленения у Израильского народа не было первосвященника, но после плена служение было восстановлено. Помимо многочисленных литургических привилегий, которыми обладал первосвященник, он также обладал судебной властью: именно он возглавлял синедрион – высший судебный орган, состоявший из 70 членов, не считая самого первосвященника, по образцу совета старейшин, созванного Моисеем по повелению Господню (Числ. 11:16). Как первосвященник, так и члены синедриона принадлежали к еврейской аристократии.

В 332 году Александр Македонский захватывает Иудею и Самарию. В этот период своего апогея достигает конфликт между иудеями и самарянами, начавшийся после возвращения иудеев из вавилонского плена. Александр разрешает самарянам построить свой собственный храм на горе Гаризим в противовес Иерусалимскому храму, остающемуся центром богослужбной активности для иудеев.

При Александре благодаря политике веротерпимости евреи расселяются по разным городам возглавляемой им империи, основным языком которой является греческий. Так возникает обширная диаспора иудеев, для которых греческий становится основным языком общения. Именно для них при египетском царе Птолемеи II Филадельфе (282–246) в Александрии создается греческий перевод Библии, полу-

чивший название Септуагинты – перевода Семидесяти толковников.

Середина II века до Р. Х. в истории Израильского народа ознаменовалась попыткой восстановления политической независимости, связанной с именем Иуды Маккавея, который в 166 году возглавил восстание против династии Селевкидов. В течение последующих ста лет борьба иудеев против Селевкидов сопровождалась внутренними междоусобицами, порожденными борьбой за власть различных семейных кланов. В 63 году до Р. Х. по просьбе двух враждующих кланов в Иерусалим вошел римский император Помпей. С этого момента Израиль попадает в политическую зависимость от Римской империи, став одной из ее провинций.

В 37 году до Р. Х. правителем Израильского царства становится Ирод Великий. Именно в его правление начинают разворачиваться события, описанные в Евангелиях от Матфея и Луки. Хотя Ирод в Евангелиях именуется царем, его власть не абсолютна: фактически он управляет Иудеей от имени римлян, ставленником которых является.

В период междоусобиц, предшествовавших воцарению Ирода, Иерусалимский храм пришел в упадок, и Ирод предпринял его масштабную реконструкцию. При этом были использованы многие элементы греческой классической архитектуры – колоннады, балюстрады, галереи, портики. Размер храма Ирода значительно превышал размеры первоначального храма Соломонова. Строительные и реставрационные

работы продолжались и после смерти Ирода. К тому моменту, когда Иисус начинал Свое служение, время работ уже исчислялось 46 годами (Ин. 2:20). В эту эпоху Иерусалимский храм представлял собой гигантский комплекс зданий, восхищавших современников своей красотой и великолепием: «Внешний вид храма представлял все, что только могло восхищать глаз и душу. Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листьями, он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи», – писал Иосиф Флавий⁵.

После смерти Ирода в 4 году до Р. Х. император Октавиан Август разделил власть между сыновьями Ирода: Архелай получил в управление Иудею, Идумею и Самарию; Ирод Антипа – Галилею и Перею; Филипп – ряд других областей; часть земель отошла к сестре Ирода Саломее. В 6 году по Р. Х. Архелай был отправлен в ссылку, и в Иудее было введено прямое правление императора через римских префектов, из которых пятым по счету был Понтий Пилат. Ирод Антипа при этом сохранил свою территорию, которой управлял до 39 года. Именно этот Ирод упоминается в евангельских повествованиях о смерти Иоанна Крестителя (Мф. 14:1–12; Мр. 6:14–29; Лк. 3:19–20) и о допросе Иисуса в Иерусалиме (Лк. 23:6–12, 15).

Основные события евангельской истории происходят в то время, когда Палестина была разделена между несколькими

⁵ *Иосиф Флавий. Иудейская война* 5, 5, 6.

правителями. Действие разворачивается в Галилее, Самарии и Иудее, упоминается также о посещении Иисусом Сирии Палестинской («стран Кесарии Филипповой») и Десятиградия, находившегося на другой стороне Иордана. Таким образом, деятельность Иисуса охватывает практически все области бывших царств Израильского и Иудейского, всю «обетованную землю», на тот момент полностью входившую в состав Римской империи.

Еврейский язык относится к семитской языковой семье и имеет многотысячелетнюю историю. Во времена Иисуса в Палестине сосуществовали два родственных языка – иврит и арамейский. Иврит был языком Ветхого Завета: на нем читали Писание, на нем, по-видимому, вели философские споры ученые иудеи. Разновидностью литературного иврита был разговорный иврит, сохранявшийся в Иудее и Иерусалиме. Другим разговорным языком был арамейский, распавшийся на несколько диалектов, включая галилейский и самарийский. Поскольку Иисус и Его ученики происходили из Галилеи, наиболее вероятным представляется, что между собой они говорили на галилейском диалекте.

Это отчасти подтверждается следующим рассказом Евангелиста Матфея: «Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назоре-

ем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя» (Мф. 26:69–73). Из этого рассказа, где Иисус назван «Галилеянином», явствует, что Иисуса и Его учеников отождествляли с Галилеей, и язык, на котором они говорили, выдавал галилейское происхождение.

О том, что у иудеев было скептическое и презрительное отношение к галилеянам, мы узнаем и из Евангелия от Иоанна. Евангелист фиксирует три эпизода, подтверждающих это. В одном из них Филипп возвещает Нафанаилу: «Мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета». Но Нафанаил пренебрежительно отвечает ему: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин. 1:45–46). В другом случае иудеи, которые слушали Иисуса, спрашивают друг друга: «Разве из Галилеи Христос придет?» (Ин. 7:41). Наконец, в диалоге Никодима с фарисеями последние презрительно спрашивают его: «И ты не из Галилеи ли? рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк» (Ин. 7:52).

Из того же Евангелия мы узнаем, что «Иудеи с Самарянами не сообщаются» (Ин. 4:9). Помимо различий, касающихся способа богочитания, между иудеями и самарянами существовали и языковые различия. Не исключено, что, разговаривая с самарянкой, Иисус употреблял самарянский диалект арамейского языка. В то же время, беседуя с иудея-

ми на серьезные богословские темы (таких бесед немало в Евангелии от Иоанна), а также обращаясь к слушателям в синагоге, Иисус мог использовать классический литературный иврит. В одном из описанных случаев Иисус, находясь в иудейской синагоге, сначала читает отрывок из Писания на иврите, а затем, закрыв книгу (точнее, свернув свиток), дает свое толкование прочитанному (Лк. 4:15–30). Возможно, в этот момент Он говорил на классическом иврите.

Помимо различных вариантов иврита и арамейского, которыми мог пользоваться Иисус, в Палестине Его времени широко использовался греческий – язык межнационального общения Римской империи. Греческим в большей или меньшей мере владели многие жители Галилеи. Латинский имел значительно меньшее хождение. Владел ли Иисус этими языками, и если да, то в какой степени? Мы можем только догадываться о том, что Его беседа с Понтием Пилатом велась не на арамейском и не на иврите, которыми римский префект вряд ли владел. Скорее всего, она велась на греческом.

Годы жизни

Евангелия содержат конкретные указания на время, в которое происходят описываемые в них события. Так, например, Лука начинает свое повествование о рождении Иоанна Крестителя со слов: «Во дни Ирода, царя Иудейского» (Лк. 1:5). Речь здесь идет об Ироде Великом, который правил па-

лестинскими территориями с 37 по 4 год до Р. Х.

Основным источником сведений об Ироде служат сочинения Иосифа Флавия, хотя о нем упоминает и целый ряд других авторов. Отец Ирода Антипатр получил римское гражданство и в 48/47 году до Р. Х. стал наместником Иудеи. Своего 25-летнего среднего сына Ирода он назначил правителем Галилеи. В 40 году Ирод получил от римлян право на иудейский престол, но сумел овладеть им только в 37-м. Правление Ирода было отмечено многочисленными жестокостями, ярко описанными Иосифом Флавием. Смерть Ирода датируется, как правило, 4 годом до нашей эры, хотя некоторые исследователи эту датировку оспаривают.

Повествование о рождении Иисуса Евангелист Лука начинает словами: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею» (Лк. 2:1). Квириний упоминается в целом ряде исторических источников, в том числе у Тацита, Флора и Иосифа Флавия. Последний говорит и о переписи, организованной Квиринием по повелению императора⁶. Эту перепись историки обычно датируют 6 годом по Р. Х. Однако имеются археологические доказательства, позволяющие предположить, что Квириний был проконсулом Сирии дважды: сначала при Ироде Великом, а затем еще раз спустя десять лет после его смерти. В этом случае становится понятным и уточнение, сделанное Лукой: «Эта перепись

⁶ *Иосиф Флавий. Иудейские древности* 18, 1, 1.

была *первая* в правление Квириния Сирию». Очевидно, перепись, упомянутая у Иосифа Флавия, была *не первой*.

Рассказ о начале проповеди Иоанна Крестителя в Евангелии от Луки датирован пятнадцатым годом правления Тиберия (Лк. 3:1). Тиберий правил Римской империей с 19 августа 14-го по 16 марта 37 года: следовательно, выход Иоанна на проповедь можно отнести ко второй половине 29-го или первой половине 30-го года. Мы не знаем, сколько прошло времени между началом проповеди Иоанна и крещением от него Иисуса. Лука упоминает, что Иисус, начиная Свое служение, «был лет тридцати» (Лк. 3:23).

Как говорилось выше, летоисчисление «от Рождества Христова» было введено в Европе в VI веке. Автор этого летоисчисления выбрал 754-й год от основания Рима в качестве года рождения Иисуса Христа, что соответствовало данным 3-й главы Евангелия от Луки. Однако в 1-й главе того же Евангелия, рассказывая о событиях, непосредственно предшествовавших рождению Иисуса, Лука датирует эти события временем правления «Ирода, царя Иудейского» (Лк. 1:5). У Матфея также говорится о рождении Иисуса «во дни царя Ирода» (Мф. 2:1) и об избииении младенцев «от двух лет и ниже» по приказу Ирода (Мф. 2:16). Все эти события, следовательно, должны были произойти до смерти Ирода, как и бегство Иосифа и Марии с Младенцем в Египет. Только «по смерти Ирода» (Мф. 2:19), когда в Иудее уже царствовал сын Ирода Архелай (Мф. 2:22), Иосиф и Мария смогли

вернуться из Египта.

Если исходить из того, что Ирод Великий умер в 4 году до Р. Х., рождение Иисуса следует датировать 5-м или 6-м годом «до Рождества Христова». Именно такой датировки придерживается большинство современных ученых.

Совокупность имеющихся данных позволяет сделать лишь приблизительные выводы относительно времени рождения Иисуса: Он родился не раньше 7-го и не позже 4 года до Р. Х. Гораздо больше ясности относительно даты Его смерти. Он был распят при Понтии Пилате, который правил Иудеей с 26 по 36 год. На основании единогласного свидетельства Евангелистов о том, что Иисус был распят в пятницу (Мф. 27:62; Мр. 15:42; Лк. 23:54; Ин. 19:14, 31), а также на основании свидетельства Евангелиста Иоанна о том, что в этот день должен был приноситься в жертву пасхальный агнец (Ин. 18:28), большинство ученых приходят к выводу, что распятие Христа произошло 7 апреля 30 года или 3 апреля 33 года. При этом вторая дата воспринимается как более вероятная.

Сколько лет прожил Иисус? Принято считать, что тридцать три. Это мнение базируется на буквальном понимании слов Евангелия от Луки о том, что Ему «было лет тридцать» в момент выхода на проповедь, и данных Евангелиста Иоанна, делящего все общественное служение Иисуса на три периода: от первой пасхи до второй, от второй до третьей, от третьей до четвертой.

Повествования Евангелистов-синоптиков не дают нам никакого указания на то, как долго продолжалась жизнь Иисуса. Тем не менее совокупность имеющихся данных относительно Его рождения и смерти заставляет предположить, что при любом раскладе Он вряд ли дожил до сорокалетнего возраста. Учитывая, что Его рождение в настоящий момент большинство ученых датируют 5–6 годами до Р. Х., а смерть – 30 или 33 годом по Р. Х., длина Его жизни может составлять от 35 до 38 лет.

II. Начало евангельской истории

Проблема двух родословных

Евангелие от Матфея, открывающее Новый Завет, начинается со слов: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова» (Мф. 1:1). Это родословие содержит длинный перечень имен – Его предков по плоти. Перечень представлен в непривычной для современного читателя форме: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его» (Мф. 1:2). Завершается этот перечень следующими словами: «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос. Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов» (Мф. 1:16–17).

Однако в Евангелии от Луки приводится иная родословная Иисуса Христа (Лк. 3:23–38), расходящаяся с данными Матфея по многим позициям. Родословные у Матфея и Луки совпадают только в том отрезке, который содержит имена от Авраама до Давида. Далее же Матфей следует «царской» линии, перечисляя царей Иудейских, как они упомина-

нуты в Ветхом Завете, а Лука приводит иную линию. Разногласие в родословиях сохраняется от Давида до Салафииля, у Матфея чрез 16 поколений, у Луки чрез 20. Линии сходятся на Салафииле и Зоровавеле, которые присутствуют в списках обоих Евангелистов (Мф. 1:12; Лк. 3:27), но затем родословные снова расходятся вплоть до Иосифа, мужа Марии. Даже имя отца Иосифа у Евангелистов оказывается разным: у Матфея он назван Иаковом, у Луки – Илием (Мф. 1:15–16; Лк. 3:23).

Откуда эти расхождения? Объяснение следует искать в особенностях еврейского менталитета и в том значении, которое иудеи придавали родословным. Вся библейская Книга Чисел состоит из списков имен, ничего не говорящих современному читателю, но, несомненно, важных для авторов книги. Необходимость включения родословных списков в Книгу Чисел и другие части Библии была обусловлена тем, что родословная воспринималась отнюдь не просто как перечень имен, помогающий установить происхождение того или иного лица. Родословная прежде всего указывала на наследие, которое несет в себе каждый человек; она вплетала его имя в неразрывную цепь имен, восходящую к отцу еврейского народа Аврааму и через него к отцу всех народов Адаму. Приводя имена предков Иисуса, оба Евангелиста – Матфей и Лука – желали подчеркнуть тот факт, что Он был реальным Человеком, Чье имя вплетено в непрерывную вязь человеческих имен.

Однако, поскольку Евангелие от Матфея было адресовано прежде всего читателям-иудеям, автор этого Евангелия ставил перед собой задачу вписать Иисуса в контекст не просто человеческой истории, а истории конкретного народа, представителями которого был он сам, его герои и его читатели. Для того чтобы последние могли воспринять Иисуса как своего, надо было представить Его прежде всего потомком ключевых персонажей истории еврейского народа, как она отражена на страницах исторических книг Ветхого Завета.

Лука ставил перед собой иную задачу: не случайно он доводит родословную не до Авраама, а до Адама и Бога. Этим Лука, адресовавший свое Евангелие не бывшим иудеям, а бывшим язычникам, подчеркивал универсальный характер миссии Иисуса: Он – Сын не только Авраамов и Давидов, но прежде всего Адамов и Божий (Лк. 3:38). Адам в ветхозаветной традиции воспринимался как первый человек и символ всего человечества. А выражение «Сын Божий» подчеркивает, что, будучи вписан в конкретную человеческую родословную и, следовательно, будучи полноценным человеком, Иисус был одновременно и Богом.

Различие между двумя родословными иногда объясняют тем, что Матфей следует в основном данным 1-й Книги Паралипоменон, тогда как Лука не знаком с этой книгой. Родословная в Евангелии от Луки базируется на иных библейских источниках и в целом, по мнению исследователей, более точно соответствует исторической действительности, по

крайней мере в отношении периода до Вавилонского пленения.

Некоторые раннехристианские авторы объясняли разногласия между двумя родословными при помощи отсылок к иудейскому «закону левирата», согласно которому, если один из братьев умирал бездетным, другой брат должен был взять его жену, «и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтобы имя его не изгладилось в Израиле» (Втор. 25:5–6). Из двух отцов Иосифа, упомянутых у Матфея и у Луки, один был таковым по закону, другой по плоти.

Начиная со второй половины XV века получает распространение еще одна гипотеза: о том, что у Луки приводится родословная Марии, а не Иосифа. Эта гипотеза позволяет более элегантно, чем в случае с законом левирата, выпутаться из кажущейся неразрешимой загадки двух родословных.

Косвенное подтверждение этой гипотезы усматривают в той форме, в какой родословная представлена у Луки. Список имен начинается со слов: «Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев» (Лк. 3:23). Выражением «как думали» Евангелист как будто бы хотел защититься от возможных упреков в неточности.

Чтобы закончить с темой двух родословных, предложу собственную гипотезу. На мой взгляд, различие между двумя родословными, как и многие другие различия между

Матфеем и Лукой, касающиеся истории рождения Иисуса, объясняется тем, что два Евангелиста опирались на двух разных свидетелей или на две группы свидетелей.

Кто эти свидетели? Очевидно, что сами Евангелисты не могут выступать в роли таковых. Однако некоторые эпизоды первых глав Евангелия от Луки ограничивают круг свидетелей одним человеком – Марией, Матерью Иисуса. Только Она могла поведать о том, как Ей явился Ангел и возвестил о рождении Мессии (Лк. 1:26–38). Только Она могла рассказать о Своем посещении Елисаветы (Лк. 1:36). Она же – наиболее вероятный источник повествований о поклонении пастухов (Лк. 2:8–18), о встрече Иисуса в храме Симеоном и Анной (Лк. 2:22–38) и, наконец, о поведении двенадцатилетнего Иисуса в Иерусалиме (Лк. 2:41–51). Все эти повествования содержатся в Евангелии от Луки, причем Мария фактически указывается автором Евангелия в качестве основного источника: «А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (Лк. 2:19); «И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк. 2:51). Слагать в сердце – значит хранить в памяти. Именно из памяти Девы Марии были впоследствии извлечены все эти рассказы.

Иную картину мы наблюдаем в повествовании Матфея. Здесь центральной фигурой является не Мария, а Иосиф. Мы узнаем из этого Евангелия не только о поступках, но и о мыслях Иосифа (Мф. 1:20), о том, как он получал откровение во сне (Мф. 1:22) и как ему трижды являлся ангел (Мф.

1:20; 2:13; 2:19). Иосиф представлен как источник принятия решений: именно он после явления ангела во сне берет Марию и Младенца и отправляется с ними в Египет; он же принимает решение сначала о возвращении в землю Израилеву, а затем о поселении в Галилее. Все это говорит о том, что наиболее вероятным источником информации для Матфея является Иосиф.

Каким образом эта информация могла быть получена Матфеем? К моменту выхода Иисуса на проповедь Иосифа, по-видимому, уже не было в живых, поэтому прямое соприкосновение между ним и Матфеем практически исключено. Но были в живых «братья Иисуса», которые после Его смерти и воскресения играли заметную роль в жизни христианской общины. Не мог ли, например, Иаков, брат Господень, передать Матфею и другим ученикам то, что когда-то слышал от Иосифа о рождении Иисуса? Такую версию никак нельзя исключить.

«Братья» и «сестры» Иисуса

Раз уж речь зашла о «братьях Иисуса», скажем здесь о них. «Братья Иисуса» неоднократно упоминаются на страницах новозаветных писаний. В Капернаум Иисус пришел в сопровождении Своей Матери и братьев (Ин. 2:12). В Галилее, когда Иисус проповедовал народу, Мать и братья Иисуса стояли вне дома, желая говорить с Ним (Мф. 12:46–

49; Мр. 3:31–35; Лк. 8:19–21). Иоанн отмечает, что братья Иисуса «не веровали в Него» (Ин. 7:5), а Марк рассказывает о том, как они пытались взять Его домой, думая, что Он сошел с ума (Мр. 3:21). После воскресения Иисуса мы находим Его братьев и Марию вместе с Его учениками (Деян. 1:14). Упоминает о «братьях Господних» и апостол Павел (1 Кор. 9:5; Гал. 1:19).

В Евангелиях от Матфея и Марка рассказывается, как, когда Иисус пришел в Свой родной город, люди дивились Его поучениям и спрашивали: «Не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? и сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него все это?» (Мф. 13:55–56; Мр. 6:2–3). Из этих слов явствует, что помимо братьев у Иисуса были сестры, а четыре брата Иисуса были известны Евангелистам по имени.

В начальных главах Евангелии от Матфея семья, в которой родился и воспитывался Иисус, представлена состоящей из трех человек: Иосифа, Марии и Самого Иисуса. Именно в таком составе семья путешествует в Египет, возвращается в Иудею и поселяется в Галилее. Ни о каких братьях или сестрах здесь не упоминается. Откуда же они взялись в повествованиях, посвященных общественному служению Иисуса?

На основании многочисленных упоминаний о братьях и сестрах Иисуса критики церковной интерпретации Евангелия ставят под сомнение учение о том, что Мария осталась Девой после рождения Иисуса. Против приснодевства Ма-

рии (сохранения Ею девства после рождения Иисуса), по мнению критиков, свидетельствует то, что Матфей говорит об Иосифе: «И принял жену свою, и не знал Ее, как наконец Она родила Сына своего первенца» (Мф. 1:24–25). Из этих слов делают вывод, что после того, как Мария родила первенца, Иосиф познал ее, и Она затем родила других детей, братьев Иисуса.

Однако, во-первых, согласно библейскому словоупотреблению, братом мог называться двоюродный брат, племянник и любой близкий родственник мужского пола. Во-вторых, слово «первенец» не предполагало непременно наличия других детей: оно указывало на любого перворожденного младенца. Что же касается греческого выражения, переведенного при помощи слов «как наконец», то оно вполне может означать «тем временем».

Вера в девственное рождение Марией Иисуса была изначальным учением Церкви, основанным на прямом свидетельстве Евангелистов Матфея и Луки. Если же говорить о приснодевстве Марии, то прямых указаний на это в Евангелии нет, однако нет и прямых опровержений этого. Церковное учение с самых ранних времен утверждало, что Пресвятая Богородица – «прежде рожества и по рожестве Дева».

Церковная традиция дает два варианта ответа на вопрос о том, кто были братья и сестры Иисуса. По одной версии, это были дети Иосифа от первого брака. По другой – двоюродные братья и сестры.

Наиболее веским доказательством отсутствия у Марии других детей является то, что распятый на кресте Иисус вверил Ее Своему ученику, после чего ученик взял Ее к себе (Ин. 19:27). В этом не было бы никакой нужды, если бы Мария была частью большого семейства и у Нее были другие сыновья, которые могли бы позаботиться о Ней после смерти Иисуса.

Какова была судьба «братьев» и «сестер» Иисуса после Его смерти и воскресения? Христианские источники полностью умалчивают о судьбе сестер, из братьев же выделяют одного: Иакова, брата Господня. О нем неоднократно упоминается в Деяниях апостольских, а также у апостола Павла (Гал. 2:19). Согласно церковному преданию, после воскресения Иисуса он стал первым главой Иерусалимской Церкви, а жизнь свою окончил мучеником. Это подтверждается и свидетельством Иосифа Флавия, упоминающего о казни «Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом», по приказу синедриона в 62/63 году⁷.

Рождение от Девы

История рождения Иисуса изложена в Евангелии от Матфея: «Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго. Иосиф

⁷ Иосиф Флавий. Иудейские древности 20, 9, 1.

же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог. Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус» (Мф. 1:18–25).

Далее Матфей рассказывает о волхвах с востока, ведóмых таинственной звездой. Самые разные предположения существуют относительно этой звезды. Еще в 1614 году известный астроном И. Кеплер предположил, что речь в Евангелии от Матфея шла о звезде, появившейся в результате соединения Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб в 7 году до Р. Х. Выдвигались и другие гипотезы, среди которых вспышка сверхновой звезды в год рождения Иисуса. Однако, учитывая, что звезда вела волхвов в конкретном направлении, можно предположить, что волхвы видели яркую комету, хвост которой был направлен таким образом, что как бы указывал им путь. Китайские источники отмечают три кометы: в 12, 5 и 4 году до Р. Х. Комета 5 года появилась в период между 6 марта и 9

апреля и наблюдалась в течение 70 дней в области созвездия Козерога. Возможно, именно ее и увидели волхвы.

Согласно Матфею, звезда привела волхвов в Вифлеем, где они поклонились Младенцу и принесли Ему дары: золото, ливан и смирну. Ирод, встревоженный вестью о рождении «Царя Иудейского», старался через волхвов выпытать Его местоположение, но они, получив откровение во сне, иным путем отошли в страну свою (Мф. 1:1–12).

Лука же рассказывает нам иную историю. По его версии, «в те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариєю, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2:1–7).

Далее Лука повествует о том, как пастухам на поле явился ангел, сказавший: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь». Затем они увидели множество ангелов, воспевающих: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» Пастухи пришли в Вифлеем, увидели Марию, Иоси-

фа и Младенца, лежащего в яслях. «Увидев же, рассказали о том, что было возвещено им о Младенце Сем. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи» (Лк. 2:8–18).

Оба Евангелиста согласны в том, что Иисус родился от Девы и Святого Духа, без участия мужа. Как понимать действие Святого Духа в рождении Иисуса? Для Евангелистов, пишущих об этом, смысл очевиден: Иисус родился сверхъестественным образом потому, что он был не только Сыном Давида и Сыном Авраама, не только Сыном Человеческим, но и Сыном Божиим. Как Сын Человеческий Он рождается от Марии – представительницы человеческого рода. Но как Сын Божий Он рождается от Самого Бога по действию Святого Духа.

При этом Иисус никогда и нигде в Новом Завете не называется Сыном Святого Духа: Он Сын Бога Отца; Святой Дух лишь принимает участие в Его рождении, сходя на Марию, но не является Его родителем.

В последующей церковной традиции сложилось устойчивое представление о том, что Иисус родился от Девы без участия мужа потому, что сам акт зачатия сопряжен с грехом, тогда как Сын Божий был свободен от греха. Из евангельского повествования это не явствует: здесь говорится о том, что Сын Девы «спасет людей Своих от грехов их», но не говорится о греховности самого акта зачатия ребенка от мужчины и женщины. Между тем представление о том, что акт зачатия

сопряжен с грехом, присутствует уже в Ветхом Завете; оно выражено, в частности, в известных словах псалма: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50:7). Речь идет не о греховности полового общения между мужчиной и женщиной: подобная идея скорее противоречит Библии, чем вытекает из нее. Речь идет о той греховной наследственности, которая передается через акт зачатия от одного человека к другому, от отца к сыну.

Далее Лука описывает обрезание Иисуса (Лк. 2:21) на восьмой день по рождении. Обычай обрезать младенцев мужского пола восходит к завету Бога с Авраамом (Быт. 17:12–13). Христианская Церковь на раннем этапе своего существования отменила этот еврейский обычай, что было связано с решением открыть Церковь для «необрезанных», то есть язычников (Деян. 11:3). Тем не менее Лука, единственный из Евангелистов, считает необходимым упомянуть о том, что Иисус был обрезан в знак Своей принадлежности к богоизбранному еврейскому народу. Лука также единственный, кто повествует о том, как младенца Иисуса принесли в храм Иерусалимский, где его встретили старец Симеон и пророчица Анна (Лк. 2:22–38).

События, произошедшие приблизительно через два года после рождения Иисуса, описаны у Матфея: это бегство Иосифа и Марии с Младенцем в Египет (Мф. 2:13–15) и избиение младенцев разгневанным царем Иродом (Мф. 2:16–18).

В начальных главах Евангелий от Матфея и Луки большую роль играют ангелы. О явлениях ангелов людям многократно повествуется в Ветхом Завете. Ангелы воспринимались не только как посланники Божии, вестники божественной воли, но и как участники человеческой истории. Ангелы служат связующим звеном между миром людей и горним миром, в котором пребывает Бог. Участие ангелов в событиях, связанных с рождением Иисуса, подчеркивает Его божественное происхождение. С первых же глав двух евангельских повествований Иисус предстает как обетованный Мессия, рождение Которого приветствует ангельское воинство.

Отметим, что в Евангелии от Матфея Иосиф четырежды получает откровение во сне, из них в трех первых случаях упоминается ангел (Мф. 1:20–23; 2:13; 2:19; 2:22). Откровения во сне также получают волхвы (Мф. 2:12) и жена Пилата (Мф. 27:19). Итого Матфеем описано шесть случаев откровений во сне, что отличает Матфея от трех других Евангелистов, у которых подобные откровения вообще не упоминаются. Ученые усматривают в этом влияние ветхозаветной традиции, в которой снам придается большое значение.

Место рождения

Оба Евангелиста, повествующие о рождении Иисуса, называют местом Его рождения город Вифлеем, однако объяснения этому дают разные.

Матфей не упоминает, откуда родом были Мария и Иосиф. Он утверждает, что Иисус «родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода» (Мф. 2:1). Именно в Вифлееме, «войдя в дом», находят Марию с Младенцем волхвы, пришедшие с востока (Мф. 2:11), и именно Вифлеем и его окрестности становятся местом кровавой драмы – избиения младенцев по приказу Ирода (Мф. 2:16). Далее следует рассказ о бегстве Иосифа и Марии в Египет и возвращении в Иудею, после чего Иосиф, «получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские и, придя, поселился в городе, называемом Назарет» (Мф. 2:22–23).

Вся эта история, как мы можем предположить, продолжалась не менее трех лет, учитывая возраст убитых Иродом младенцев, к которому надо прибавить время на путешествие Святого семейства в Египет и обратно. Из рассказа следует, что Матфей считал Вифлеем родным городом Иосифа, так как там находился его *дом*. Переселение в Назарет представлено как вынужденная мера.

Лука рисует иную картину. Он начинает свое повествование с рассказа о родителях Иоанна Предтечи: Захарии, священнике «из Авиевой чреды», и его жене Елизавете «из рода Ааронова» (Лк. 1:5). Их дом находился «в нагорной стране, в городе Иудином» (Лк. 1:39). Именно туда пришла Дева Мария, чтобы приветствовать Елизавету. Под городом Иудиным мог пониматься любой город, исторически принадлежащий колену Иудину, однако не позднее VI века установилась

традиция отождествления «города Иудина» с селением Айн-Карем, находящимся на юго-западе от Иерусалима⁸.

При этом сама Мария, согласно Луке, жила в «городе Галилейском, называемом Назарет» (Лк. 1:26). Об Иосифе тоже говорится, что он был «из Галилеи, из города Назарета». В Вифлееме оба они, Иосиф и Мария, оказались из-за переписи. Рождение Младенца произошло в Вифлееме, но не в доме, а в яслях (Лк. 2:4–7). Слово «ясли» указывает не на детскую колыбель, а на кормушку для скота, в которую был положен родившийся Младенец за неимением другого, более достойного места. В рассказе о поклонении пастухов дважды упоминается Младенец, «лежащий в яслях» (Лк. 2:12, 16). Таким образом, согласно Луке, у Иосифа не было дома в Вифлееме и даже места в гостинице для Иосифа и Марии не нашлось.

В чем причина этих расхождений между Евангелистами? Одна из причин была названа выше: за двумя повествованиями, как можно предположить, стоят два разных свидетеля или две группы свидетелей. Другая причина заключается в том, что каждый из Евангелистов осмысливает описываемые события с богословской точки зрения. Нельзя забывать, что Евангелия – не просто жизнеописания или исторические хроники. Каждое Евангелие – это прежде всего богословский трактат, в котором жизнь Иисуса помещается в определенный богословский контекст.

⁸ Ныне в черте города.

Евангелие – это своего рода словесная икона, в чем-то подобная византийским и древнерусским иконам «с клеймами». Особенностью таких икон является то, что в их центре размещено основное изображение, а по краям, в виде рамы, располагаются многочисленные окна (клейма) с различными побочными сюжетами. Если бы две иконы Рождества Христова создавались на основе двух евангельских повествований, то центральная композиция была бы одинаковой, а вот ряды клейм могли бы существенно различаться – как по содержанию, так и по количеству.

Лука, как представляется, знает гораздо больше деталей, касающихся истории рождения Иисуса. Эту историю он вправляет в другую историю – рассказ об обстоятельствах рождения Иоанна Крестителя. Две истории не только развиваются параллельно, но и содержат множество сходных элементов. Один и тот же ангел, Гавриил, сначала явился Захарии, отцу Предтечи, а затем Марии, Матери Иисуса. Захария, увидев ангела, смутился (Лк. 1:12); Мария, увидев ангела, также смутилась (Лк. 1:29). И к Захарии, и к Марии ангел обращает слова: «Не бойся» (Лк. 1:13; 1:30). В обоих случаях ангел говорит не только о рождении ребенка, но и о том, каким именем он должен быть наречен (Лк. 1:13, 31). Об Иоанне ангел говорит: «ибо он будет велик перед Господом» (Лк. 1:15); об Иисусе: «Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего» (Лк. 1:32). Захария спрашивает ангела: «По чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах

преклонных» (Лк. 1:18). Мария задает ангелу вопрос: «Как будет это, когда Я мужа не знаю?» (Лк. 1:34). Елисавете наступает время родить, она рождает сына, на восьмой день его обрезают и нарекают ему имя (Лк. 1:57–65). Марии наступает время родить, Она рождает Сына Своего Первенца (Лк. 2:6–7), Которого по прошествии восьми дней обрезают и дают Ему имя (Лк. 2:21). Об Иоанне Евангелист говорит: «Младенец же возрастал, и укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю» (Лк. 1:80). А история рождения Иисуса завершается словами: «Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк. 2:52).

Наряду с очевидным и сознательным параллелизмом двух историй, во многих деталях повествования Луки прослеживается мысль о том, что Иисус выше Иоанна. Иоанн чудесным образом рождается от двух бесплодных родителей, но Иисус рождается сверхъестественным образом от Девы и Духа Святого. Елисавета, мать Иоанна, приветствует Марию, Мать Иисуса, как старшую, хотя Мария значительно младше Своей родственницы по возрасту. При этом она называет Ее Матерью своего Господа (Лк. 1:43).

Для Луки история рождения Иоанна Крестителя является той рамой, в которую вправлено повествование о рождении Иисуса. Матфей ту же историю вправляет в иную раму: ветхозаветных пророчеств, касающихся судьбы Израильского народа. Цитатами из Ветхого Завета сопровождаются и за-

вершаются все основные эпизоды истории рождения Иисуса. При этом употребляются следующие формулы: «да сбудется сказанное Господом через пророка» (Мф. 1:22); «ибо так написано через пророка» (Мф. 2:5); «да сбудется реченное Господом через пророка» (Мф. 2:15); «тогда сбылось реченное через пророка» (Мф. 2:17); «да сбудется реченное через пророков» (Мф. 2:23). При помощи этих многократно повторяемых формул Матфей подчеркивает, что Иисус пришел во исполнение пророчеств: те или иные события Его жизни происходят, «да сбудется» сказанное в Ветхом Завете. Вся история рождения Иисуса изложена Матфеем так, чтобы подчеркнуть, что события развивались как бы по заранее написанному сценарию.

Соответственно, Вифлеем стал местом рождения Мессии не потому, что Мария с Иосифом пришли туда для участия в переписи, а во исполнение пророчества: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля» (Мф. 2:6). В Египет Иосиф с Марией отправляется не только из опасения за судьбу Младенца, но и «да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего» (Мф. 2:15). В Назарете Иосиф с Марией поселяются, согласно Матфею, не потому, что там был дом Иосифа, а во исполнение сказанного через пророков, «что Он Назореем наречется» (Мф. 2:23).

Матфей ставил перед собой задачу представить Иисуса

прежде всего как Того, о Ком писали и говорили пророки. Вот почему для него было важно показать, что Вифлеем был местом рождения Иисуса. А как Он там оказался, для него не имело значения.

Прообразами жизни Иисуса для Матфея становится целая серия ветхозаветных сюжетов и образов, включая Моисея и Самсона. Лука же излагает иную версию рождения Иисуса, ближайшим прообразом которой становится жизнь Иоанна Крестителя. Оба Евангелиста, однако, сходятся в том, что Иисус родился в Вифлееме Иудейском, а воспитывался в Назарете Галилейском. Последнее подтверждается многочисленными эпизодами из Евангелий, в которых Иисус и Его ученики по Своему происхождению, воспитанию и говору однозначно связываются с Галилеей, а не с Иудеей.

Детство и отрочество. Воспитание и образование

Детские годы Иисуса прошли в Назарете. Об этих годах мы знаем очень мало. Матфей не говорит о них ни слова, а Лука весь период жизни Иисуса до достижения Им двенадцатилетнего возраста уместает в одну фразу: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем» (Лк. 2:40). Что стоит за этой фразой?

Чтобы понять, как был воспитан Иисус, Сын Человече-

ский, мы должны представить себе жизнь благочестивой семьи среднего достатка из скромного галилейского города. Если верить предположению о том, что у Иосифа были дети от первого брака, то весьма вероятно, что все они жили в одном доме и что Иисус рос среди Своих сводных «братьев и сестер», которые были значительно старше Его.

В Назарете в то время проживало, как полагают, не более пятисот человек. Все знали друг друга и родственников друг друга.

Евангелисты называют Иисуса плотниковым сыном (Мф. 13:55) или просто плотником (Мр. 6:3). Можно предположить, что уже в детстве Иисус овладел профессией Своего законного отца Иосифа. Вполне возможно, что семья Иосифа была единственной семьей в маленьком городе, занимавшейся плотницким ремеслом. Большинство жителей города было вовлечено в сельскохозяйственные работы, и весьма вероятно, что Иосиф изготавливал для них орудия производства.

В то же время греческое слово, которым в Евангелиях обозначена профессия Иосифа, означает не только «плотник», но и «строитель»: термин применялся не только к тем, кто работал по дереву, но и к тем, кто строил из дерева или камня. Строительные метафоры нередки в речи Иисуса, и мы можем предположить, что Он был хорошо знаком со строительным мастерством. Примером могут послужить Его слова о доме, построенном на камне, и о доме, построенном

на песке (Мф. 7:24–27).

Профессия плотника, или строителя, предполагала вовлеченность в коммерческую деятельность, поскольку плотники продавали свои изделия, а строители получали плату за свой труд. Иисус был хорошо знаком с законами коммерции, с системой договорных отношений между продавцами и покупателями, работодателями и должниками. В Своих поучениях Он неоднократно использовал образы из этой области, в частности, в притче о двух должниках (Мф. 18:23–35), о талантах (Мф. 25:14–30; Лк. 19:12–27) и во многих других.

Сельскохозяйственные образы, часто встречающиеся в притчах Иисуса, свидетельствуют о том, что Он был хорошо знаком с трудом Своих соплеменников: здесь мы встречаем и сеятелей, и жнецов, и виноградарей. С некоторыми ремеслами Иисус мог познакомиться уже в раннем детстве, наблюдая за тем, как трудятся Его соотечественники.

Какое образование получил Иисус? Его старший современник, александрийский философ-иудей Филон перечисляет науки, из которых состоял в его времена цикл общего образования: грамматика, музыка, геометрия, риторика, диалектика⁹. Этот цикл наук составлял среднее образование в эллинской школе времен Иисуса, однако не имел ничего общего с тем образованием, которое Иисус мог получить в родном городе. Из того, что нам известно о Галилее времен Иисуса, мы даже не можем с уверенностью утверждать, что

⁹ Филон Александрийский. О соитии ради обучения 15–18.

в городе, где Он воспитывался, была школа. Во всяком случае, первыми учителями Иисуса были Иосиф и Мария, у которых Он был «в повиновении» (Лк. 2:51). Возможно, «брatья Иисуса», если они были старше Его, также принимали участие в Его воспитании и обучении.

В чем состояло обучение в галилейской семье времен Иисуса? Прежде всего в изучении Тора – Пятикнижия Моисеева, которое было Священным Писанием для всех евреев и пользовалось непререкаемым авторитетом. Тора была не просто сборником повествований об истории Израильского народа: она включала в себя и законы, по которым жил еврейский народ, и нравственные предписания, считавшиеся незыблемыми и обязательными для исполнения. Любой ребенок, воспитывавшийся в еврейской семье, должен был знать Тору.

Каким образом изучали Писание? Его учили совсем не обязательно по письменному тексту. Большинство сверстников Иисуса не умели читать и библейские тексты воспринимали на слух, заучивая их наизусть. Из Евангелия от Луки мы знаем, что Иисус умел читать: «И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, сле-

пым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное. И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами. И все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходившим из уст Его, и говорили: не Иосифов ли это сын?» (Лк. 4:16–22).

Рассказ Луки подтверждает, что Иисус умел читать на иврите. Но почему тот факт, что Он взял книгу (точнее, свиток) и, раскрыв (точнее, развернув), начал читать, вызывает у Его соотечественников такое изумление, что они устремляют глаза на Него еще до того, как Он, закрыв книгу (то есть свернув свиток), начинает комментировать прочитанное? И почему, услышав Его поучение, они спрашивают: «Не Иосифов ли это сын?» Очевидно, именно потому, что в доме Иосифа Иисус, по их мнению, не мог получить такое образование, которое позволяло бы Ему свободно читать на иврите и толковать слова пророков. Его слушатели хорошо знали условия, в которых Он воспитывался, и не могли представить себе, что сын плотника превратится в учителя, способного читать Священное Писание и толковать его.

Нам известно, что Иисус прекрасно знал Ветхий Завет, и мы не сомневаемся в том, что с библейскими книгами Он познакомился еще в детстве. В отрочестве главным центром обучения, помимо родного дома, могла быть для Него местная синагога – та самая, которую Он посетит много лет спу-

стя, уже будучи взрослым. Именно здесь, участвуя в субботних молитвенных собраниях вместе со Своими родителями, отрок Иисус мог слышать слова Священного Писания, присутствовать при обсуждении их взрослыми, впитывать в Себя священные тексты, слова псалмов, молитв и песнопений.

Судя по всему, никакую иную школу, кроме назаретской синагоги, Иисус в отрочестве не посещал. Нет сведений о том, чтобы Он учился у какого-либо известного раввина, или в философской школе, или при Иерусалимском храме. Иудеи, слышавшие Его в храме Иерусалимском, недоумевали: «Как Он знает Писания, не учившись?» (Ин. 7:15). Слова «не учившись» указывают на отсутствие у Него формального образования, каким обладали книжники и фарисеи Его времени. Говоря современным языком, Иисус был «самоучкой», и когда Он выступил в роли учителя, это вызвало недоумение не только в Его родном городе, где все знали об отсутствии у Него образования, но и в Иерусалиме, где Его считали пришельцем и чужаком, непонятно по какому праву вторгшимся в закрытую корпорацию учителей и книжников.

Отсутствие формального образования не исключает эпизодических контактов отрока Иисуса с учителями. Один такой эпизод сохранило для нас Евангелие от Луки. Здесь говорится о том, что каждый год родители Иисуса ходили в Иерусалим на праздник Пасхи (Лк. 2:41). Однажды, «когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней празд-

ника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк. 2:42–52).

Откуда Евангелист мог узнать об этом эпизоде? Как мы предположили выше, единственный возможный источник – Дева Мария, Которая рассказала о нем самому Луке или кому-либо из апостолов, с чьих слов Лука его записал. Многие детали повествования свидетельствуют о том, что вся сцена здесь изложена со слов Матери Иисуса: мы как бы видим эту сцену Ее глазами. В словах Евангелиста о том, что «все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его», мы слышим любящий материнский голос, пересказывающий этот эпизод много лет спустя. Тот же голос слышится в эмоциональных словах Матери «Чадо! что Ты сделал с нами?». Заключитель-

ная фраза повествования также неопровержимо указывает на источник: никто, кроме Матери, не мог сохранить в сердце этот эпизод и слова, которые на тот момент были Ей непонятны.

Достигнув зрелости и выйдя на проповедь, Иисус будет много говорить о Своем небесном Отце. Между тем уже в двенадцать лет Он знает о том, что Его Отцом является Бог и что храм Иерусалимский принадлежит Его Отцу. Нам трудно предположить, что Мария могла рассказать двенадцатилетнему мальчику о том, что Иосиф не является Его отцом. Тем менее можно было бы ожидать подобного рассказа от Иосифа. Слова двенадцатилетнего Иисуса, обращенные к Его родителям и не понятые ими, но сохраненные в сердце Его Матери, свидетельствуют о том, что уже в раннем возрасте Он знал о Своем богосыновстве.

Трогательный эпизод, рассказанный Лукой, – единственный в Евангелиях, относящийся к отрочеству Иисуса. В следующий раз Иисус появится в Евангелии от Луки уже тридцатилетним. Между этим эпизодом и появлением Иисуса на берегах Иордана – около двадцати лет. Об этих годах жизни Иисуса мы не знаем ничего и можем лишь догадываться, что внешне Его жизнь ничем не отличалась от жизни обычных людей, Его сверстников и соотечественников. По всей видимости, до тридцатилетнего возраста Он продолжал жить «в повиновении» родителям, плотничать и изучать Священное Писание.

III. Начало общественного служения

Иоанн Креститель

Парадокс всех четырех Евангелий заключается в том, что «Евангелие Иисуса Христа, Сына Божия» (Мр. 1:1) начинается не с проповеди Иисуса Христа, а с проповеди другого лица. И формула, с которой Иисус начал Свою миссию, – «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17), – принадлежит не Иисусу. Ее автор – Иоанн Креститель (Мф. 3:2), или Предтеча, с каким прозвищем он вошел в историю Церкви.

Появление Иоанна Крестителя на берегах Иордана – тот момент, с которого история, описываемая четырьмя Евангелистами, начинает двигаться параллельно. История Иоанна Предтечи достаточно подробно изложена в Евангелиях. О его рождении от священника Захарии и жены его Елисаветы повествует Лука (Лк. 1:5–25; 57–80). О его заточении в темницу и казни по приказу Ирода рассказывают три Евангелиста-синоптика (Мф. 14:1–12; Мр. 6:14–29; Лк. 3:19–20; 9:9). Приводимые ими сведения в целом соответствуют тому, что мы узнаем об Иоанне Крестителе из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия¹⁰.

¹⁰ *Иосиф Флавий. Иудейские древности* 18, 5, 2.

Наиболее краткое и емкое описание проповеди Предтечи мы находим в Евангелии от Марка: «Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов. И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне, и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои. Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед. И проповедывал, говоря: идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его; я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» (Мр. 1:4–8).

Из этого описания мы узнаем, что Иоанн был аскетом, жил в пустыне, проповедовал народу и сопровождал свою проповедь особым ритуалом – омовением в водах Иордана. Свидетельство Матфея почти идентично (Мф. 3:1–6), однако он добавляет к словам, зафиксированным Марком, отдельное поучение Иоанна, обращенное к фарисеям и саддукеям: «Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: “отец у нас Авраам”, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3:7–10).

Из этого повествования мы видим, что проповедь Иоанна носила характер жесткого обличения, когда дело каса-

лось фарисеев и саддукеев. Эту манеру обращения к фарисеям переймет от Иоанна Иисус, вплоть до вербальных совпадений, таких как оскорбительное обращение «порождения ехиднины» (Мф. 12:34; 23:33) и слова о том, что «всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (Мф. 7:19).

Повествование Луки почти полностью соответствует рассказам Матфея и Марка, однако добавляет к ним дополнительные штрихи. В частности, Лука – единственный из Евангелистов, кто воспроизводит беседы Иоанна с разными категориями приходивших к нему людей, а именно с мытарями и воинами (Лк. 3:12–14).

В Евангелии от Иоанна приводится рассказ о том, как священники и левиты из Иерусалима пришли к Иоанну, чтобы выяснить, кто он такой и почему крестит в водах Иордана. Он твердо ответил, что он не Христос. «И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет. Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия». Посланные спросили его: «Что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк?» Иоанн ответил: «Я крещу в воде; но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Это Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обу-ви Его» (Ин. 1:19–27).

Совокупное свидетельство четырех Евангелистов дает

нам достаточно полную картину того, что происходило на берегах Иордана перед тем, как там появился Иисус. Деятельность Иоанна Крестителя вызывала большой интерес среди иудеев, а его суровый аскетический облик привлекал к нему толпы народа. Проповедь Иоанна, насколько можно судить, носила прежде всего моралистический характер. Каждому классу людей Иоанн адресовал конкретные советы. Активность Иоанна была не по душе фарисеям. На их вопросы тем не менее Иоанн отвечал – прямо и коротко. Он понимал, что он не Мессия и не Илия-пророк. Главную цель своей миссии он видел в том, чтобы приготовить путь Тому, Кто сильнее его и Кому он недостоин развязать ремень обуви. Кто этот человек, Иоанн не знал до тех пор, пока Он не появился на берегу Иордана (Ин. 1:21).

В чем состояло «крещение Иоанново»? По форме оно мало напоминало ритуальные омовения, известные в ветхозаветной практике (подробное описание таких омовений содержится в главах 13–17 Книги Левит). Наиболее близкая параллель – практика общины ессеев, известная по сочинениям Иосифа Флавия и кумранским рукописям. Иосиф упоминает о принятии новых членов в общину через ритуальное омовение¹¹. В кумранских рукописях омовение связывается с покаянием, очищением от грехов, соблюдением нравственной чистоты и вступлением в завет с Богом.

Однако, несмотря на некоторые возможные параллели,

¹¹ *Иосиф Флавий. Иудейская война. 2, 8, 7.*

крещение Иоанново имело ярко выраженные индивидуальные черты, делавшие его уникальным событием в жизни иудейской общины.

Крещение Иисуса

Среди тех, кто крестился от Иоанна, был Иисус. Наиболее краткий рассказ об этом мы находим у Марка: «И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане. И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мр. 1:9–11).

Матфей дополняет сцену диалогом между Иисусом и Иоанном, произошедшим перед крещением: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн допускает Его». Голос Отца передан в несколько иной форме: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:13–17).

Лука не выделяет крещение Иисуса как событие, совершённое отдельно от прочих крестившихся, но упоминает о том, что Иисус крестился вместе с народом (Лк. 3:21–22).

Перед нами три почти идентичных свидетельства, отличающихся одно от другого лишь небольшими деталями. Из

всех трех свидетельств явствует, что крещение в Иордане было «пограничным» событием в биографии Иисуса, разделившим Его жизнь на «до» и «после».

До крещения о Нем никто не знал: безвестный Сын плотника, Он пришел к Иоанну как один из многих, один из толпы. После крещения Иисус перестает быть незаметной фигурой, одним из толпы: о Нем узнают благодаря свидетельству Иоанна, сошествию на Него Святого Духа и голосу Отца, который слышит народ. Сразу же после крещения Иисус удаляется в пустыню, а затем возвращается к людям уже не как некий безвестный «Иисус из Назарета Галилейского» (Мр. 1:9), а как «Пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом» (Лк. 24:19), Которого даже родственники перестают узнавать.

Почему для вступления на путь проповеди Иисусу понадобилось крещение? Возможно, по-человечески Он нуждался в некоем отправном пункте для Своей миссии, нуждался в благословении того, кто уже подобную миссию вел в преддверии Его собственной миссии.

В то же время не следует думать, что лишь в момент крещения Иисус осознал, какой путь Ему предстоит. Евангелисты описывают Его как Человека, Который четко знает, что делает, идя по пути, предначертанному для Него Отцом. Это осознание не приходит к Нему в какой-то определенный момент: оно с самого начала Ему присуще. Уже двенадцатилетним отроком Он уверенно говорит о Боге как Своем Отце, о

храме как месте, которое принадлежит Его Отцу (Лк. 2:49). Непокколебимое стремление исполнить волю Отца приводит Его на Иордан. То же стремление приведет Его на крест.

Если крещение Иоанново было «крещением покаяния для прощения грехов» (Мр. 1:4), то какое действие оно оказало на Иисуса? Новозаветные авторы многократно, в разных формах подчеркивают, что «в Нем нет греха» (1 Ин. 3:5), напротив, Он – источник прощения грехов. По словам апостола Петра, Сын Божий «не сделал никакого греха... Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды» (1 Пет. 2:22, 24).

В свете этого учения схождение Иисуса в воды Иордана можно понимать только в одном смысле: оно имело искупительный смысл и было необходимо для избавления человечества от греха. Иисус сошел в воды Иордана, напоенные человеческим грехом, чтобы взять на Себя этот грех. Не имея греха, Он всецело отождествляет себя с грешным человечеством, а потому принимает то крещение, которое другие принимали во очищение собственных грехов: принимает не по чему иному, как потому, что «берет на Себя грех мира» (Ин. 1:29).

Особого внимания заслуживают упоминания Евангелистов о голосе Отца, прозвучавшем, когда Иисус выходил из воды. Этот момент – знаковый для того откровения о Боге, которое получило наименование Нового Завета. Именно в тот момент, когда Иисус выходил из иорданских вод, лю-

дям впервые были явлены Отец, Сын и Святой Дух в Своем нераздельном единстве: Отец свидетельствовал о Сыне голо- сом с неба; Сын, выйдя из крещальных вод, молился Отцу; а Дух нисходил на Сына в виде голубя.

Тема взаимоотношений между Отцом и Сыном раскры- вается на страницах Евангелий в целой серии эпизодов и речей Иисуса. Неоднократно Евангелисты рассказывают об обращениях Иисуса к Отцу. Но лишь дважды мы слышим, как Отец обращается к Сыну: первый раз – в момент креще- ния, по версии Марка и Луки. Второй случай упоминается у Иоанна. Когда перед Своей последней пасхой Иисус воскли- цает «Отче! прославь имя Твое», голос с неба отвечает Ему: «И прославил и еще прослаблю» (Ин. 12:28). Оба эпизода имеют отношение к поворотным событиям в жизни Иисуса: первый связан с Его выходом на публичное служение, вто- рой – с приближением к Иерусалиму, где Его ожидали арест, суд и смертная казнь.

В первом случае Иисус никак не отвечает на голос Отца и не комментирует Его слова. Во втором случае Иисус дает такое пояснение: «Не для Меня был глас сей, но для наро- да» (Ин. 12:30). Из этого можно заключить, что и в момент крещения свидетельство Отца, даже если было обращено к Сыну, было нужно не столько Сыну, сколько стоявшему во- круг народу. Однако нельзя исключить, что Сам Иисус как Человек нуждался в укрепляющем свидетельстве Отца в тот момент, когда Ему предстояло начать подвиг служения лю-

дям – подвиг, который увенчается Его смертью.

Что означает схождение Духа Святого на Иисуса после выхода Его из вод Иордана? В жизни Иисуса Дух Святой действует особым образом. От Духа Святого без участия мужа Дева Мария зачала божественного Младенца. Иоанн пророчествует о том, что Иисус будет крестить Духом Святым и огнем. Сразу после крещения Дух поведет Иисуса в пустыню (Мф. 4:1; Мр. 1:12; Лк. 4:1). Духом Божиим Иисус будет изгонять бесов (Мф. 12:28). О Духе Святом Иисус скажет, что хула на Него не простится ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12:32; Мр. 3:29; Лк. 12:10). Обещание Святого Духа станет одной из главных тем прощальной беседы Иисуса с учениками (Ин. 14:16–17, 26; 15:26; 16:7–15). По воскресении Иисус дунет и скажет ученикам: «Приимите Духа Святого» (Ин. 20:22). А в день Пятидесятницы Дух Святой сойдет на учеников в виде огненных языков (Деян. 2:4).

Мы видели, что Евангелисты представляют крещение Иисуса как поворотный момент в Его человеческой судьбе. Можно предположить, что в этот важный момент Своей жизни Иисус по-человечески нуждался не только в укреплении от Отца перед выходом на проповедь, но и в особом явлении Святого Духа. Поскольку Его служение будет сродни пророческому, Ему как человеку необходимо то же вдохновение, каким обладали пророки, получавшие его от Духа Божия. В дальнейшем Он будет посылать Святого Духа ученикам, вдохновляя их на апостольское служение, но сейчас Он Сам

нуждается в таком вдохновении.

Искушение в пустыне

Среди евангельских сюжетов один из самых загадочных – рассказ об искушении Христа в пустыне. Наиболее краткая версия рассказа содержится у Марка: «Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню. И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему» (Мр. 1:12–13). Версия Марка полна загадок. Тема названа, но практически не раскрыта. В пустыню Иисуса ведет Дух Святой, но ведет не для чего иного, как для встречи с другим духом – родоначальником злых духов, с которыми Иисусу предстоит борьба.

У Матфея и Луки содержится значительно более подробный рассказ о пребывании Иисуса в пустыне. Их повествования различаются между собою порядком, в котором следуют три искушения. Приведем версию Матфея: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз,

ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего. Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4:1–11).

По версии Луки, диавол сначала предлагал Иисусу превратить камни в хлебы, затем отвел его на высокую гору и показал все царства мира, после чего повел в Иерусалим и поставил на крыле храма (Лк. 4:1–13).

Впервые в этом эпизоде в повествованиях Евангелистов-синоптиков появляется новый персонаж: диавол. В Ветхом Завете этот персонаж фигурирует в рассказе о грехопадении первых людей (Быт. 3:1–15). Там он назван «змием», но уже ветхозаветная традиция отождествила его с диаволом (Прем. 2:24).

Под именем сатаны тот же персонаж появляется в Книге Иова в качестве одного из «сынов Божиих», которые регулярно предстают перед Господом (Иов. 1:6; 2:1). С ним Бог вступает в диалог и спрашивает, обратил ли он внимание на праведность Иова. Сатана отвечает, что Иов праведен потому, что Бог «кругом оградил его и дом его и все, что у него».

Бог сначала отдает в руки сатаны все имущество Иова и всех детей его, которые один за другим погибают, а потом и тело его, которое покрывается проказой (Иов. 1:8–2:7).

И в Книге Иова, и в других ветхозаветных писаниях сатана действует как будто по прямому повелению или с разрешения Бога. Ветхий Завет не пытался ответить на вопрос о происхождении сатаны и его взаимоотношениях с Богом. Однако начало Книги Иова показывает, что в представлении ветхозаветного писателя сатана был одним из сынов Божиих, находящимся в личном общении с Богом. Сатана действует в тех рамках, которые поставлены Богом, и вне этих рамок действовать не может. Он наносит человеку вред, и это Богом попускается.

В истории с искушением Христа в пустыне диавол действует так же, как в Книге Иова: он вступает в прямой диалог с Богом, но действует только в тех рамках, которые ему определены.

Описанная Матфеем и Лукой история ставит перед нами множество вопросов. Насколько буквально следует ее понимать? Происходило ли все действие в пустыне и было ли неким испытанием мысли для Иисуса, или же действительно Иисус и диавол вместе ходили из пустыни в Иерусалим, поднимались на крыло храма, вместе восходили на гору? Что это за гора, с которой можно было увидеть «все царства мира»? В чем смысл библейских цитат в прямой речи Иисуса и диавола, по внешней форме похожей на ученый спор двух

книжников?

Сама манера изложения материала, в чем-то напоминающая библейский рассказ о том, как змий искушал Адама и Еву, заставляет нас воспринимать этот рассказ не как историческое повествование, а как обобщение особого духовного опыта, пережитого Иисусом в пустыне и явившегося следствием длительного поста. Источником информации здесь может быть только Сам Иисус, поведавший об этом опыте Своим ученикам. Других свидетелей не было.

Многие современные исследователи текста Нового Завета считают, что история трех искушений – «мифологическая» обработка информации о том, что перед выходом на проповедь Иисус молился и постился. В значительной степени этот взгляд базируется на отношении к самой фигуре диавола как вымыслу и мифу. Между тем, существование диавола является аксиомой и для Ветхого Завета, и для Нового, и для христианской Церкви. Сама смерть Иисуса на кресте и Его воскресение будут истолкованы прежде всего как окончательная победа над диаволом. Первой же Его победой над ним является преодоление трех искушений.

Что означает предложение превратить камни в хлебы и почему Иисус его отвергает? Прежде всего мы должны указать на то, что, хотя Иисус впоследствии совершит множество чудес, в некоторых случаях Он будет отказываться от совершения чуда. В Назарете к Иисусу обращаются местные жители со словами: «сделай и здесь, в Твоем отечестве,

то, что, мы слышали, было в Капернауме» (Лк. 4:23). Но Он не только отказывает Своим соотечественникам: Евангелист подчеркивает, что он «не мог совершить там никакого чуда» (Мр. 6:5). Фарисеи будут неоднократно требовать от Него знамения. Но Он будет отвечать: «род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка» (Мф. 12:39; 16:4; Лк. 11:29). Когда Иисус будет пригвожден к кресту, к нему будут с насмешкой обращаться: «Если ты Сын Божий, сойди с креста» (Мф. 27:40). Но Он не сойдет с креста, не совершит чуда, которое могло бы заставить кого-то поверить в Его всемогущество. Иисус последовательно отказывается от совершения чуда для доказательства Своего всемогущества или Своей божественности, будь то по просьбе людей или по наущению диавола.

Чудо всегда совершается Иисусом ради людей, а не ради Самого Себя. Испытание превратить камни в хлебы ради собственного насыщения и удовлетворения естественного чувства голода Иисус отвергает, тогда как в дальнейшем без всякой просьбы со стороны будет чудесным образом умножать небольшое количество хлебов ради насыщения тысяч людей. Произойдет это опять же в пустыне.

Смысл первого испытания следует искать в изречении, процитированном Иисусом (часть его превратилась в поговорку: «не хлебом единым»). Сорокалетнее странствование народа Израильского в пустыне, где Бог томил его голодом,

становится прообразом сорокадневного пребывания Иисуса в пустыне и голода, который Он испытал. Обращаясь к народу Израильскому, Бог напоминает ему о том, что источником жизни является не материальный хлеб, а Сам Бог и слово, исходящее из уст Его. Речь здесь идет не только о превосходстве духовного над материальным, о чем Иисус неоднократно будет говорить Своим ученикам, но и о роли Бога в жизни человека. Бог – Источник всякого блага – и материального, и духовного. Следование Его воле, вслушивание в Его слово – важнее материального богатства и физического насыщения. Голод физический может быть утолен хлебом, а голод духовный может быть удовлетворен только Богом.

Получив от Иисуса ответ на первое искушение в форме цитаты из Священного Писания, диавол, искушая Его вторично, сам цитирует Писание. Это соответствует библейскому пониманию диавола как обольстителя, который, искушая человека, пользуется привлекательными для него образами и апеллирует к тому, что для человека священо. Адама и Еву он искушал плодами дерева, приятного на вид, и словами: «будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:5). Иисуса он пытается обольстить относящейся к Нему цитатой из Писания о том, что ангелы понесут Его на руках.

По своей смысловой нагрузке второе искушение сходно с первым: здесь опять Иисусу предлагается совершить чудо ради чуда. Однако если в первом случае мотивацией для принятия искушения, с точки зрения диавола, должно стать

чувство физического голода, испытываемое Иисусом, то во втором случае соблазн связан с тем, что Иисусу предлагается осознать собственное всемогущество и проявить Себя в славе. Речь идет о мысленном искушении, которое Иисус отвергает со ссылкой на слова из книги Второзаконие, полностью звучащие так: «Не искушайте Господа, Бога вашего, как вы искушали его в Массе» (Втор. 6:16).

Скрытые библейские аллюзии являются тем богословским контекстом, в котором развивается беседа между Иисусом и диаволом. События истории израильского народа, на которые указывают цитаты из Библии, становятся образами новозаветных реалий. Не случайно вторая часть беседы (у Луки третья) происходит на крыле Иерусалимского храма – главной святыни Израильского народа. Историю этого народа знают оба собеседника.

Из трех искушений третье (у Луки второе) является самым значительным по своей смысловой нагрузке: это искушение политической властью и могуществом. Диавол показывает Иисусу «все царства мира» и предлагает дать власть над ними. Условием ставится поклонение диаволу. Иисус отвергает искушение словами «отойди от меня, сатана», к которым прибавляет ссылку на Ветхий Завет: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Это слегка измененная версия слов, дважды повторяющихся в Книге Второзаконие: «Господа Бога твоего бойся, и Ему одному служи» (Втор. 6:13; 10:20).

Искушение земной властью преследовало Иисуса на протяжении всего времени Его служения: оно было связано с представлением о Мессии как политическом вожде, который придет, чтобы освободить Израиль от иноземного ига и стать царем Израильским.

Однако в данном случае диавол предлагает Иисусу политическую власть не только над Израилем, но над всеми царствами мира. Речь, следовательно, идет о более широком контексте понимания власти как таковой – не только в масштабах одной страны. О какой власти идет речь и почему Иисус отвергает ее? Ни Ветхому Завету, ни христианству никогда не было свойственно представление о том, что диавол имеет власть над миром. Будучи обманщиком, диавол обладает только иллюзорной властью, и если он этой властью торгует, то не потому, что ею обладает, а потому, что обманывает, выдавая себя за Бога.

История трех искушений Иисуса, хотя и комментировалась в древнюю эпоху, не получила тогда серьезного богословского толкования. Между тем в этой истории есть тот глубинный богословский и философский смысл, который прочитывается только в свете двухтысячелетней истории существования человечества после Христа. Не случайно рассказ о трех искушениях, не привлекавший какого-то особого внимания толкователей в святоотеческую эпоху, получил совершенно новое раскрытие в новое время, в частности, у Достоевского.

Великий русский писатель рассматривает эту историю в «Легенде о Великом инквизиторе». В уста своего героя он вкладывает мысль о том, что в трех вопросах, заданных диаволом Иисусу, «совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле».

Религии свободы, принесенной на землю Иисусом, Великий инквизитор противопоставляет религию рабства, основанную на чуде, тайне и авторитете. Люди, говорит герой Достоевского, нуждаются не в свободе, а в рабском повиновении, не в хлебе небесном, а в хлебе земном. Они, как послушное стадо, пойдут за тем, кто даст им хлеб, покажет им чудо и явит авторитет.

В основе конфликта между Иисусом и диаволом лежит конфликт двух ценностных систем. С одной стороны, проповедь Царства Божия, учение о превосходстве духовного над материальным, представление о том, что следование за Богом должно быть свободным выбором человека, не основанным ни на материальных благах, ни на преклонении перед чудом. С другой стороны, набор ценностей, принадлежащих исключительно «миру сему»: материальное богатство (хлеб), чудо и земная власть.

Противопоставление между этими двумя ценностными системами проходит через все Евангелие. Иисус говорит народу: «Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан бу-

дет вон» (Ин. 12:31). Под князем мира сего подразумевается тот самый диавол, который искушал Его в пустыне. Иисус пришел для того, чтобы изгнать его из мира, освободить людей от его иллюзорной власти, напомнить им о том, что единственным властителем мира является Бог, а единственной системой ценностей, которой необходимо следовать, являются божественные заповеди. Эта система будет раскрыта Им в Нагорной проповеди, особенно в начальной ее части – Заповедях Блаженства, а также в многочисленных притчах о Царстве Небесном.

Власти над всеми земными царствами Иисус предпочитает то Царство Небесное, которое не предполагает социального равенства и благоденствия в пределах земного бытия. Отвергая материальное богатство, чудо и земную власть, Иисус всему этому противопоставляет систему ценностей, основанную на единой абсолютной ценности и Источнике всех ценностей, каковым является Бог. Вместо всего, что предлагает человечеству диавол, Иисус предлагает людям Бога. Вместо земного благосостояния, власти и могущества Иисус избирает Бога, следование Которому предполагает отказ от земных ценностей в пользу ценностей духовных.

В истории трех искушений закладываются основные принципы, на которых будет строиться все последующее служение Иисуса. Он будет совершать чудеса, но не ради демонстрации Своего могущества. Он будет ставить духовное выше материального. Он отвергнет политическую власть ра-

ди власти духовной, отвергает любое насилие над личностью ради свободного исповедания веры в Него и в Его небесного Отца.

Почему Иисус должен был Сам пройти через искушение от диавола? Не достаточно ли было просто научить людей бороться с диаволом и побеждать его? По той же причине, по которой Иисус Сам был крещен, а не только заповедал ученикам крестить людей. Иисус всецело отождествляет Себя с человечеством. Судьба человечества и каждого конкретного человека связана с человеческой судьбой Иисуса, который Сам проходит через испытания и искушения, чтобы через них проводить людей.

Ключом к истории трех искушений, как и к другим историям, запечатленным на страницах Евангелий, является вера в то, что Иисус является одновременно Богом и человеком. Искушения диавола Он отвергает не только как Бог, но и как человек, тем самым доказывая, что каждый человек, которого будет искушать диавол, может отвергнуть искушение и сделать выбор в пользу Бога. В лице Иисуса «мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15). Он принял вызов диавола, не отказался пройти через искушения, но, реагируя на предложения искусителя, не совершил греха – ни делом, ни словом, ни мыслью.

Иисус и Иоанн Креститель

Что происходило с Иисусом после победы над диаволом в пустыне? В синоптических Евангелиях за рассказом о трех искушениях сразу же следует повествование о Его выходе на проповедь. В Евангелии от Луки говорится: «И возвратился Иисус в силе духа в Галилею, и разнеслась молва о Нем по всей окрестной стране» (Лк. 4:14). Читатель может предположить, что возвращение в Галилею произошло сразу после искушения от диавола. Матфей и Марк, однако, повествуют о возвращении Иисуса в Галилею после того, как Он узнает, что Иоанн взят под стражу (Мф. 4:12; Мр. 1:14). Что же происходило между окончанием искушения в пустыне и возвращением Иисуса в Галилею?

Ответ мы находим в Евангелии от Иоанна. Его автор вообще не упоминает об искушении в пустыне, но не упоминает и о крещении. Вместо этого он сначала рассказывает о том, как Иоанн ответил посланным к нему иудеям: «Стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете» (Ин. 1:26); из чего можно заключить, что беседа происходит в присутствии Иисуса, незаметно стоящего в толпе. Затем Евангелист рассказывает о встрече Иисуса с Иоанном на берегу Иордана «на другой день» (Ин. 1:29) и далее еще об одной встрече, которая происходит «на другой день» (Ин. 1:35). Эта встреча завершается тем, что двое учеников Иоанна следуют за

Иисусом. Опять же, «на другой день» Иисус решает идти в Галилею (Ин. 1:43) и находит Филиппа, а Филипп находит Нафанаила. Наконец, «на третий день» Иисус вместе со Своей Матерью и учениками приходит на брак в Кане Галилейской (Ин. 2:1). Таким образом, мы имеем повествование, в котором описаны события четырех дней подряд.

Гармонизировать эти описания с повествованиями Евангелистов-синоптиков можно только одним способом – если предположить, что события на берегу Иордана, описанные в Евангелии от Иоанна, происходили уже после того, как Иисус вернулся из пустыни. Это значит, что из пустыни Иисус не пошел сразу в Галилею, а вернулся сначала к Иоанну. В этом случае становится понятно, почему Иоанн Креститель в Евангелии от Иоанна говорит о событии крещения Иисуса в прошедшем времени: «Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (Ин. 1:32–34).

Эти слова Крестителя указывают на некий момент в прошлом. Слова «я не знал Его» свидетельствуют о том, что до первого появления Иисуса на берегу Иордана они не были знакомы, несмотря на то, что, согласно Луке, их матери были родственницами (Лк. 1:36). Слова «я видел Духа», опять же, звучат как воспоминание о событии, имевшем ме-

сто когда-то раньше. Креститель в Евангелии от Иоанна не упоминает о самом событии крещения, но из сопоставления этого рассказа с историей, изложенной синоптиками, можно заключить, что Иоанн увидел Духа Божия, сошедшего на Иисуса, сразу после того, как Иисус, приняв крещение, вышел из вод Иордана.

Почему автор четвертого Евангелия не описывает сцену крещения? Во-первых, она уже была описана в синоптических Евангелиях, с которыми (или по крайней мере с одним из них) он, по-видимому, был знаком. А во-вторых, он, вероятно, не присутствовал при крещении Иисуса, не был очевидцем этой сцены. Зато он стал очевидцем других встреч Иисуса с Иоанном Крестителем, по крайней мере последней из тех, которые он описывает.

Для чего же Иисус после искушения от диавола вновь приходил к Иоанну, притом дважды? Некоторые ученые считают, что Иисус поначалу был учеником Иоанна. Между тем текст Евангелий не дает никаких оснований для такой гипотезы. Мы лишь видим, что Иисус как минимум дважды после крещения приходил к Иоанну, но зачем Он приходил – не знаем. Нельзя исключить, что Он приходил, чтобы из учеников Иоанна выбрать Своих первых учеников: косвенным подтверждением этого может служить рассказ о двух учениках Иоанна, последовавших за Иисусом (Ин. 1:37–39).

Евангелие от Иоанна упоминает о том, что в течение некоторого времени, пока Иоанн не был заключен в темницу,

Иисус и Предтеча действовали параллельно: «После сего пришел Иисус с учениками Своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил. А Иоанн также крестил в Еноне, близ Салима, потому что там было много воды; и приходили туда и крестились» (Ин. 3:22–23). Этот рассказ свидетельствует о том, что на первых порах Иисус перенял у Иоанна внешнюю форму его проповеди и совершал те же действия, что Иоанн, только в другом месте. Однако вряд ли данный факт можно истолковать в том смысле, что Иоанн «руководил» Иисусом.

Евангелист продолжает: «Когда же узнал Иисус о дошедшем до фарисеев слухе, что Он более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн, – хотя Сам Иисус не крестил, а ученики Его, – то оставил Иудею и пошел опять в Галилею» (Ин. 4:1–3). Загадочное упоминание о нежелании Иисуса делить с Иоанном одну миссионерскую территорию может навести на мысль о том, что между группой учеников Иисуса и группой учеников Иоанна существовала, по крайней мере в глазах сторонних наблюдателей, определенная конкуренция.

О том, что ученики Иоанна были недовольны самостоятельной активностью Иисуса и Его учеников, свидетельствует еще один эпизод из четвертого Евангелия. Автор Евангелия рассказывает, как ученики Иоанна Крестителя пришли к своему учителю и сказали: «Равви! Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он

крестит, и все идут к Нему». На это Иоанн ответил: «Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба. Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяляться» (Ин. 3:25–30).

В словах учеников Иоанна слышится нескрываемое недовольство. Между тем в своем ответе Иоанн последовательно проводит ту же линию, что и в тех случаях, когда Иисус появлялся на берегах Иордана. Он ссылается на свое прежнее свидетельство об Иисусе и вновь повторяет его.

Согласно свидетельствам Евангелистов, подтверждаемым информацией Иосифа Флавия, Иоанн Креститель был по приказу Ирода Антипы, сына Ирода Великого, заключен в темницу. Однако и находясь в темнице он продолжал следить за деятельностью Иисуса. Матфей приводит следующий случай: «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф. 11:2–6).

Что означает этот рассказ? Можем ли мы предположить,

что, будучи арестован, Иоанн усомнился в мессианском достоинстве Иисуса? Может быть, ему в какой-то момент показалось, что он ошибся и Иисус – не тот, кому он должен был уготовать путь? Такого проявления человеческой слабости в человеке, находившемся в тюрьме и ожидавшем смерти, исключить нельзя. В таком случае и слова Иисуса «блажен, кто не соблазнится о Мне» звучат как грозное предупреждение Иоанну.

В то же время есть и иное толкование. Оно сводится к тому, что сам Иоанн не сомневался в мессианском достоинстве Иисуса, но сомневались его ученики: вот он и послал их к Нему, чтобы они от Него Самого получили ответ.

Продолжая рассказ, Матфей приводит слова Иисуса об Иоанне Крестителе, обращенные к народу: «Что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка... Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его. От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его, ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна» (Мф. 11:7–13).

В образе «трости, ветром колеблемой», некоторые ученые видят намек на приспособленческую политику царя Ирода

Антипы (отмечая при этом, что на иудейских монетах того времени изображался тростник). Во всяком случае, Ирод подразумевается в образе человека, носящего мягкие одежды и живущего в чертогах царских. Этому царю противопоставляется Иоанн, чей образ жизни резко контрастирует с образом жизни царя.

Иисус высоко ценил Иоанна. Об этом свидетельствуют слова: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя». Но что означает продолжение этой фразы – слова о том, что «меньший в Царстве Небесном больше его»? Их можно понимать двояко. При одном толковании речь идет о Царстве Небесном как новой реальности, в которой каждый человек обретает иное качество, и даже самый великий человек на земле меньше самого малого в Царстве Небесном. При другом толковании слово «меньший» относится к Иисусу: Он – тот Меньший, Который принял крещение от Иоанна, приклонив голову под его руку, но по Своей значимости Он больше, так как миссия Иоанна носила лишь приготовительный характер, а миссия Иисуса – это «Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мр. 9:1).

В том, что касается внешних форм проповеди и служения, Иисус много заимствовал у Иоанна. Особенно на первых порах Его проповедь выглядит как прямое продолжение Иоаннова служения. Иоанн первым произнес слова, ставшие лейтмотивом проповеди Иисуса на начальном этапе: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Иоанн

первым вступил в полемику с фарисеями, и Иисус перенял стиль и манеру его общения с ними. Даже учение об Отце и Сыне впервые прозвучало из уст Предтечи (Ин. 3:35–36) и лишь потом было раскрыто Иисусом.

Но самое главное, что Иисус и вслед за Ним христианская Церковь заимствовали у Иоанна, – это обряд крещения, который Иисус наполнил новым содержанием. О том, что на раннем этапе Своей проповеди Иисус практиковал крещение, упоминает только четвертое Евангелие, и в дальнейшем его тексте мы больше не услышим об этом (синоптики же вообще умалчивают о том, чтобы Иисус или Его ученики кого-нибудь крестили). Практика крещения будет возрождена уже в совершенно ином контексте – после воскресения Иисуса, но по Его прямому повелению: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19). И это будет уже не Иоанново крещение «в покаяние», а то крещение «Духом святым и огнем» (Мф. 3:11; Лк. 3:15), провозвестником которого он был.

Слова Иоанна Крестителя о Христе – «Ему должно расти, а мне умаляться» – были пророческими. Умаление Иоанна Крестителя – особый сюжет в Евангелиях. Его смерть подробно описана у Матфея, рассказывающего, как во время празднования своего дня рождения Ирод (вероятно, к тому времени сильно пьяный), находясь под впечатлением танца своей дочери, пообещал ей дать все, чего она ни попросит. Она же по наущению матери, ненавидевшей Крестителя, по-

требовала принести ей на блюде отрубленную голову Иоанна. «И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей» (Мф. 14:1–11).

Таким был конец человека, к которому еще недавно стекались тысячи людей, чья проповедь гремела на всю Иудею. Факт казни Иоанна по приказу Ирода подтверждает и историк Иосиф Флавий.

Судьба Иоанна стала прообразом судьбы Иисуса. Казнь Иоанна предшествовала казни Иисуса. Параллелизм двух жизней, начавшийся со встречи их матерей Марии и Елисаветы (Лк. 1:39–56), продолжившийся их собственной встречей на берегу Иордана и параллельной миссией в течение некоторого времени, завершился тем, что каждый взошел на свой крест – сначала Предтеча, а потом Тот, о Ком он предсказывал.

Евангелие от Матфея как бы намеренно и сознательно подчеркивает параллелизм жизней Иоанна и Иисуса, употребляя одни и те же выражения применительно к одному и Другому. О желании Ирода убить Иоанна говорится: «И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка» (Мф. 14:5). А об Иисусе: «И старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали за пророка» (Мф. 21:46). Слова «взять» и «связать» употребляются применительно и к Иоанну, и к Иисусу (Мф. 14:3; 21:46;

27:2). Ирод приказывает казнить Иоанна как бы против своей воли (Мф. 14:9), и Пилат выносит смертный приговор Иисусу вопреки своей воле (Мф. 27:24). Сцена погребения Иоанна (Мф. 14:12) по содержанию и используемому словарю является как бы предвестием сцены погребения Иисуса (Мф. 27:57–60).

Повествование Евангелиста Матфея о смерти Предтечи завершается словами: «Ученики же его, придя, взяли тело его и погребли его; и пошли, возвестили Иисусу. И, услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один» (Мф. 14:12–13). Далее следует рассказ о насыщении пяти тысяч пятью хлебами, после чего «понутил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И, отпустив народ, Он взшел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один» (Мф. 14:22–23). Почему Евангелист так акцентирует внимание читателя на том, что Иисус дважды в течение короткого времени удаляется от Своих учеников, чтобы побыть наедине? И почему это происходит сразу после того, как Он слышит о смерти Иоанна Крестителя?

В Евангелиях неоднократно упоминается о том, как Иисус удалялся от учеников, чтобы остаться в полном одиночестве (Мф. 14:23; Мр. 6:46; Лк. 5:16; Лк. 6:12; Ин. 6:15; Ин. 8:1). В первый раз это происходит после того, как Он узнает о смерти Иоанна Крестителя. В последний – в Гефсиманском саду, прямо перед арестом. Иисус оставляет учеников и остается

один в тех случаях, когда Он нуждается в молитве. Иногда Он проводит в молитве целую ночь (Лк. 6:12).

О чем думал и молился Иисус, узнав о смерти Иоанна Крестителя? О судьбе Крестителя? О Своей собственной судьбе? О предстоящей смерти? Об этом Евангелисты умалчивают. Но они не скрывают от нас, что Сын Человеческий глубоко пережил смерть того, кто пришел в мир, чтобы приготовить Ему путь; кто свидетельствовал о Нем как об Агнце Божьем и Сыне Божьем; того, под чью руку Он приклонил голову и от кого принял крещение.

«Галилея языческая»

Что произошло после крещения Иисуса? С чего началось Его общественное служение?

В Евангелии от Иоанна, как мы видели, после второго посещения Иоанна Крестителя Иисус «восхотел идти в Галилею» (Ин. 1:43). На третий день Он уже присутствовал на браке в Кане Галилейской, где «положил начало чудесам» Своим (Ин. 2:1–12). Из Каны Он вместе с Матерью, братьями и учениками пришел в Капернаум, где они «пробыли немного дней» (Ин. 2:12). Затем Иисус приходит на Пасху в Иерусалим и изгоняет из храма торгующих (Ин. 2:13–15). В Иерусалиме же, надо полагать, Он беседовал с Никодимом (Ин. 3:1–21). После этого «пришел Иисус с учениками Своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил» (Ин.

3:22). Сколько это продолжалось, Евангелист не уточняет. В Галилею Иисус возвратился после того, как узнал «о дошедшем до фарисеев слухе, что Он более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн» (Ин. 4:1–3). По дороге в Галилею Он посещает Самарию: этот визит занимает два дня (Ин. 4:4–43). Из Самарии Иисус приходит в Кану Галилейскую, где совершает второе чудо: исцеляет сына капернаумского царедворца (Ин. 4:46–54).

Все эти события, происходившие в то время, пока Иоанн Креститель еще находился на свободе, у синоптиков отсутствуют. В Евангелии от Матфея служение Иисуса начинается с того, что Он оставляет свой родной город Назарет и поселяется в Капернауме (Мф. 4:13). Именно в Капернауме, согласно Матфею, Иисус «начал проповедовать и говорить: покаяйтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17). Там же Он призвал Петра и Андрея, а затем Иакова и Иоанна Зеведеевых (Мф. 4:18–22).

Рассказывая о том, как Иисус поселился в Капернауме, Евангелист Матфей ссылается на пророчество Исаии, согласно которому Галилея должна быть просвещена светом истинной веры: «Услышав же Иисус, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею и, оставив Назарет, пришел и поселился в Капернауме приморском, в пределах Завулоновых и Неффалимовых, да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языче-

ская, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Мф. 4:12–16).

Упоминание о «Галилее языческой» дало повод некоторым ученым предположить, что язычники составляли в Галилее чуть ли не большинство населения. Однако Матфей лишь цитирует слова из Книги пророка Исаии (Ис. 9:1–2), во времена которого действительно в Галилее проживало много язычников. К I веку нашей эры Галилея была заселена преимущественно евреями; язычники в пропорциональном отношении составляли лишь незначительную часть от общего числа жителей области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.